ПРИГЛАСИ
МЕНЯ
ВОЙТИ
Люди иногда исчезают.
Особенно те, у которых есть секреты.
ДЖЕННИФЕР МАКМАХОН
NEW YORK TIMES BESTSELLING AUTHOR

Саспенс нового поколения.
Бестселлеры Дженнифер Макмахон

Дженнифер Макмахон

Пригласи меня войти

«Эксмо»
2019

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

Макмахон Д.

Пригласи меня войти / Д. Макмахон — «Эксмо», 2019 — (Саспенс нового поколения. Бестселлеры Дженнифер Макмахон)

ISBN 978-5-04-103467-2

1924 годЖенщина с даром предвидения становится объектом травли местных жителей. Они называют ее ведьмой и устраивают самосуд, приговаривая к повешению. Ее юная дочь Джейн успевает спрятаться в последний момент.Наши дниСупруги Нат и Элен решают построить себе дом в Вермонте. Но участок земли, который они приобрели, даже век спустя страшит местных из-за слухов о сокровище, зарытом на болоте и охраняемом призраком убитой ведьмы.Местная девочка-подросток Олив уверена, что сокровище существует. Она говорит Нат и Элен, что ее мать исчезла год назад из-за ведьмы. Супруги невольно к ней прислушиваются, когда у них начинают пропадать вещи, на болотах им видятся странные тени, и пару раз их даже будто хотят убить…

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-103467-2

© Макмахон Д., 2019
© Эксмо, 2019

Содержание

Хетти Брекенридж 6
Часть I 11
Глава 1 12
Глава 2 22
Глава 3 28
Глава 4 33
Глава 5 38
Глава 6 45
Часть II 49
Глава 7 50
Конец ознакомительного фрагмента. 57

Дженнифер Макмахон
Пригласи меня войти

Jennifer McMahon
THE INVITED

Copyright © 2019 by Jennifer McMahon
This edition published by arrangement with Writers House LLC and Synopsis Literary Agency

Серия «Саспенс нового поколения. Бестселлеры Дженнифер Макмахон»

Перевод с английского К. Савельева
Художественное оформление П. Петрова

© Савельев К., перевод на русский язык, 2019
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

Посвящается ТК

Хетти Брекенридж

19 мая 1924 года

Это началось, когда Хетти была маленькой девочкой.

У нее была тряпичная кукла с фаянсовой головкой, звали куклу мисс Фентвиг. Мисс Фентвиг рассказывала Хетти разные вещи – такие вещи, о которых она не имела понятия и даже не хотела слышать о них. Она ощущала их глубоко внутри себя, всегда, всю жизнь.

Ее дар.

Ее проклятие.

Однажды мисс Фентвиг сказала Хетти, что ее отец погибнет от удара молнии и она ничего не сможет с этим поделать. Хетти попыталась предупредить родителей и рассказала им, что она услышала. «Это чепуха, девочка», – сказали они и за такие нехорошие слова отправили ее в постель без ужина.

Две недели спустя ее отец был мертв: в него ударила молния, когда он вел свою лошадь в амбар.

После этого все стали как-то странно поглядывать на Хетти. У нее отобрали мисс Фентвиг, но Хетти продолжала слышать голоса. С ней говорили деревья. К ней обращались камни, речные воды и маленькие зеленые жуки. Они говорили ей о том, что будет.

«У тебя есть дар», – говорили они.

Но Хетти так не думала – по крайней мере, сначала. До тех пор, пока не научилась управлять им.

Сегодня голоса послали ей предупреждение.

Оно пришло в виде шепота камышей и рогоза, растущего на западном краю болота. Другие бы услышали лишь звук сухих стеблей, шелестевших на ветру, но она слышала хор умоляющих голосов: «*Беги, они идут за тобой*!»

Говорили не только растения. В настойчивом карканье ворон тоже звучало хриплое предупреждение. Лягушки на краю болота квакали: *скорее, скорее, скорее*!

Вдалеке послышался лай и завывание собак; свора приближалась. Потом раздались шаги, и появилась одинокая фигура, бегущая по тропинке. Хетти стояла перед домом с топором в руках и колола дрова для печки. Ей нравилось это занятие, нравилось ощущать силу ударов и глухой стук, с которым лезвие топора входит в чурбан, раскалывая ее пополам. Теперь она подняла топор и застыла в ожидании.

– Джейн! – позвала она, когда увидела свою дочь, выбежавшую из леса с безумным взглядом и растрепанными волосами. Ее голубое ситцевое платье в цветочек было порвано. Хетти сама сшила это платье, как и всю остальную их одежду, на старой швейной машинке, оставшейся от матери. Ткани она заказывала по каталогу «Sears»[1]; иногда она позволяла себе такую роскошь, как заказ новых платьев, но они не были такими же прочными и долговечными, как сшитые собственными руками.

Хетти опустила топор.

– Где ты была, девочка? – обратилась она к дочери.

Был учебный день, но Хетти запретила дочери ходить в школу. Насколько ей было известно, Джейн собирала в лесу растопку.

---

[1] Sears, Roebuck and Company – каталожная компания, с XIX века распространявшая каталоги типовых домов, но впоследствии расширившая ассортимент с доставкой товаров по почте. – *Прим. пер.*

Джейн открыла рот, собираясь что-то сказать, но слова не выходили наружу. Потом она разразилась слезами.

Хетти отложила топор, подошла к ней и обняла девочку за дрожащие плечи. Потом она ощутила запах дыма от платья Джейн и от ее спутанных волос. Казалось, дым тоже хотел поведать какую-то зловещую историю.

– Что случилось, Джейн?

Джейн запустила руку в карман платья и достала коробок спичек.

– Я сделала что-то плохое, – пробормотала она.

Хетти отодвинула девочку, продолжая держать ее за руки, и вгляделась в лицо дочери. Всю свою жизнь Хетти толковала знаки и послания, предугадывая будущее. Но разум дочери – ее собственной плоти и крови – был закрыт для Хетти и раньше, и теперь.

– Расскажи, – сказала она, хотя не хотела ничего знать.

– Мама! – Джейн снова зарыдала. – Мне так жаль!

Хетти прикрыла глаза. Собаки приближались. Не только собаки, но и люди, которые что-то кричали, ломясь через лес. Хетти всегда забавляло, что люди, которые всю жизнь ходили по этому лесу и охотились, могут двигаться так неуклюже, без всякого изящества и уважения к тем, на кого они наступают.

– Что нам делать? – Джейн сильно побледнела и выглядела сейчас гораздо младше своих двенадцати лет. Страх делает это с людьми; он заставляет их съеживаться, делает их маленькими и слабыми. С годами Хетти научилась прятать страхи в сундук на задворках своего разума, чтобы быть храброй и противостоять любому врагу, который появлялся на ее пути.

– Нам? Ты сейчас пойдешь и спрячешься в овощном погребе, где стоял старый дом.

– Но там пауки, мама. И крысы!

– Крысы и пауки – самая меньшая из наших забот. Они не причинят тебе вреда.

В отличие от людей, которые сейчас придут, подумала Хетти. Они уже близко. Она слышала их голоса, их крики.

– Прокрадись лесом к тому старому месту. Спустись в погреб и запрись изнутри. Никому не открывай.

– Но, мама…

– Давай беги! Я приду за тобой. Уведу их подальше, а потом вернусь. Клянусь, Джейн Брекенридж, я вернусь за тобой. Не открывай ту дверь никому, кроме меня. И еще, Джейн…

– Да, мама?

– Не бойся.

Если бы это было так просто. Если бы слова обладали силой избавлять от страха.

К тому времени, когда Джейн скрылась на тропинке, появились собаки, прибежавшие с востока, со стороны дороги, ведущей к центру поселка. Старые гончие псы, натасканные на опоссумов и енотов, но теперь пущенные по ее запаху.

«Не бойся», – мысленно повторила Хетти, на этот раз обращаясь к себе. Сосредоточившись, она отогнала страх, подняла топор и выпрямилась.

– Ведьмы! – кричали люди, бежавшие за собаками. – Держи ведьму!

– Убийца! – кричали другие.

– Невеста дьявола! – выкрикивал кто-то.

Сжимая топор в руках, Хетти посмотрела на болото. Она знала самый безопасный путь. Там были топкие и глубокие места; были другие места, где били подземные ключи, выносившие ледяную воду из глубины земли. Целебную воду. Вода знала много разных вещей; она могла изменить человека, если он позволял это сделать.

Торф под ногами был мягким и пружинистым, как губка, но Хетти двигалась быстро и уверенно, прыгая с ловкостью годовалого оленя.

– Вот она! – послышался мужской голос впереди. Это было нехорошо. Она не ожидала, что они зайдут с той стороны. Как выяснилось, они подходили со всех сторон, и их оказалось гораздо больше, чем она ожидала. Хетти испуганно застыла, наблюдая за смыкающимся кругом людей и пытаясь найти какой-то проем, ведущий наружу.

Ее окружали мужчины с лесопилки и другие люди, которые собирались погреться у пузатой печки в бакалейной лавке, работали на железной дороге или пахали землю. Там были и женщины. Наверное, Хетти следовало это предвидеть, но она почему-то не предвидела.

Когда умирает ребенок, материнское сердце ожесточается сильнее всего. Хетти знала, что женщины могут быть опаснее, чем мужчины.

Она знала этих людей всю жизнь. Многие из них приходили к ней в трудное время, обращались за советом и просили заглянуть в будущее. Они платили ей за предсказания или за возможность передать весточку любимому покойному человеку. Она прекрасно разбиралась в умах местных жителей; она знала их глубочайшие тайны и страхи. Люди обращались к ней с вопросами, которые боялись задавать кому-то еще.

Ее взгляд остановился на Кэндис Бишкофф, которая шла по болоту и целилась в нее из ружья своего мужа.

– Стой на месте, Хетти, – приказала Кэндис. – Брось топор!

Кэндис бешено выпучила глаза; жилы на ее шее дрожали от напряжения. Хетти уронила топор, мягко упавший к ее ногам.

В детстве Кэндис и Хетти играли вместе. Они были соседками и подругами. Они делали кукол из веточек, коры и полевых цветов: палочные фигурки с маргаритками вместо голов. Они играли в этом болоте, лазали по деревьям в лесу, веселились с жабами и саламандрами и распевали песенки о своем светлом будущем.

Какое-то время Джейн играла с Люси, дочерью Кэндис. Это время закончилось, вот и хорошо. Некоторые вещи случаются к лучшему.

– Лучше скажи правду, Хетти Брекенридж, – обратилась к ней Кэндис. – Где Джейн?

Хетти провела взглядом по стволу ружья Кэндис и посмотрела ей в глаза.

– Джейн ушла, – ответила Хетти. – Вчера вечером я отослала ее, и сейчас она находится за много миль отсюда.

Другие обступили ее, образовав тесный круг у края болота и придвигаясь ближе, хотя их ноги увязали, а обувь оказывалась испорченной.

– Если бы она была здесь, я бы убила ее, – заявила Кэндис.

Эти слова вонзились в грудь Хетти, вытолкнув воздух из легких.

– Я бы убила ее у тебя на глазах, – отрезала Кэндис. – Забрала бы твою дочь так же, как ты забрала мою.

– Я ничего такого не делала, – сказала Хетти.

– Люси была в школе! – Кэндис завыла и запричитала, раскачиваясь из стороны в сторону. – Ее тело вытащили только час назад! Ее, Бена и Лоренса. Все мертвы!

Она зарыдала. Какая-то часть Хетти – та маленькая девочка, которая давным-давно заботилась о своей подруге и утешала ее, – хотела обнять Кэндис, вплести цветы в ее волосы, искупать ее в целебной болотной воде.

– Кэндис, я очень сожалею об этой трагедии и сочувствую тебе, но это не моих рук дело. Я говорила тебе и всем остальным, кто мог слышать, что я предвидела это несчастье. Я говорила, что школа сгорит, что погибнут люди, но никто меня не слушал. Я вижу только проблески того, что может случиться, и не могу остановить это.

Хетти так и не смогла привыкнуть к потрясению, оттого что все происходило так, как она предвидела, и она действительно была бессильна предотвратить трагедию.

– Перестань болтать, – сказала Кэндис и сжала приклад с такой силой, что побелели костяшки пальцев. – Перестань болтать и положи руки за голову.

Хетти подчинилась под прицелом нескольких ружей. Мужчины подошли к ней со спины и связали руки веревкой.

– Ведите ее к дереву, – распорядилась Кэндис.

«Что мне делать? – обратилась Хетти к голосам, к деревьям и самому болоту. – *Вы сможете выручить меня?»*

Единственный раз в ее жизни, за все тридцать два года, что она прожила на свете, голоса безмолвствовали.

И Хетти была испугана. Глубоко, по-настоящему испугана.

В тот момент она поняла, что все кончено. Ее время пришло, но с Джейн все будет в порядке. Они не найдут ее дочь; в этом Хетти была уверена.

Хетти сама подошла к дереву, самому большому в лесу вокруг болота. Когда они с Кэндис были маленькими, то называли его прабабушкиным деревом и восхищались его мощными ветвями, прямыми и искривленными, раскинутыми во все стороны.

Древо жизни.

Древо смерти.

«Дерево моей кончины», – подумала Хетти, когда увидела висельную петлю. Под ней стоял простой трехногий табурет, взятый у кого-то на кухне. Хетти мимолетно подумала: интересно, кому он принадлежит. Потом табурет отнесут обратно, поставят у стола, и сегодня вечером кто-то будет ужинать, сидя на нем.

Мужчины подтолкнули ее к табурету. Один из них накинул петлю ей на голову, и грубая веревка улеглась на шее, как тяжелое ожерелье. Веревку перебросили через ветку пятнадцатью футами выше, и трое мужчин встали рядом, удерживая другой конец. Она узнала отцов погибших детей: Хака Бишкоффа, Уолтера Клайна и Джеймса Фултона.

– Нужно закрыть ей голову, – предложил Питер Грей с лесопилки. – Или завязать глаза.

Питер несколько лет назад приходил к ней за целебными травами и амулетами, когда его жена и дети тяжело болели воспалением легких. Они поправились, и Питер вернулся к Хетти с благодарностью от своей жены и двумя пирогами с куриной начинкой.

– Нет, – сказала Кэндис. – Я хочу видеть ее лицо, когда она будет умирать. Я хочу видеть и знать, что есть возмездие за Люси, Бена и Лоренса. За всех, кому она причинила вред.

– Я никому не причинила вреда, – сказала Хетти. – И если бы вы послушали меня, то сейчас дети были бы живы.

«Если бы не моя дочь, они были бы живы», – подумала она.

– Заткните ей рот! – выкрикнула Барбара Клайн. Барбара была матерью Лоренса, который в прошлом году тяжело болел ветрянкой. Мать послала его к Хетти, и та отправила его домой с целебной мазью и настойкой для питья. Лоренс выздоровел, и у него не осталось ни единой оспины.

– Эта ведьма лжет, – шипела теперь Барбара.

– Отправим ее к дьяволу, где ей самое место! – крикнул кто-то из толпы.

– Поднимите ее, – велел другой голос, и группа мужчин легко поставила Хетти на табурет, где у нее не оставалось иного выбора, кроме как выпрямиться. Трое мужчин с другого конца потянули за веревку.

Табурет под Хетти зашатался. Ее руки были связаны за спиной; веревка уже туго натянулась на шее. Хетти посмотрела через болото и увидела свою пылающую хижину. Она построила этот домик своими руками, когда осталась одна после пожара в старом семейном доме. После того как убили ее мать. Джейн родилась в этой хижине и встретила там двенадцать дней рождения, с праздничными пирогами и свечками.

Хетти подумала о Джейн, спрятавшейся в овощном погребе, где некогда стоял семейный дом, затаившейся там, как забытая банка со стручковой фасолью. Там она будет в безопасности.

Никто не знает о погребе. Никому не известно о том, что на старом пепелище что-то могло сохраниться.

Люди уничтожают то, чего они не понимают.

– Подождите! – окликнул кто-то. Это был Роберт Крэйсон из бакалейной лавки. Он вышел вперед и посмотрел на Хетти. На долю секунды ей показалось, что сейчас он остановит это безумие, вернет людям долю здравого смысла. – Хочешь ли ты сказать последнее слово, прежде чем свершится правосудие? Хочешь ли ты попросить прощения у этих людей… или у Бога?

Хетти не ответила. Она смотрела на болото, на свое прекрасное болото. Стрекозы летали над самой поверхностью, их крылышки и тельца блестели на солнце.

– Может быть, ты захочешь сказать нам, где деньги? – продолжал Крэйсон. – Предложишь нам получить финансовое возмещение за твои преступления? Мы отдадим деньги родителям тех детей, которых ты убила. Их не вернешь, но так будет хоть немного легче.

– Я никого не убивала, – сказала Хетти.

– Где ты спрятала деньги, ведьма? – завопил кто-то. – Что случилось с деньгами твоего отца?

– Это была самая богатая семья в здешних местах, – сказал другой и сплюнул. – И посмотрите, до чего дошло.

– Пожалуйста, – почти заискивающе произнес Крэйсон. – Пусть твое семейное богатство пойдет во благо людям. Не дай ему умереть вместе с тобой. Будь милосердной хотя бы раз в жизни… Скажи, где ты спрятала деньги?

Она улыбнулась всем, кто собрался внизу, и их лица озарились жадной надеждой. Но Хетти улыбнулась как человек, который знает секрет и никому о нем не расскажет.

Веревка у нее на шее натянулась, и ветка наверху заскрипела. Зацокала белка; мимо пролетела ореховая шелуха.

– Вы можете убить меня, – обратилась к людям Хетти, – но вы не избавитесь от меня. Я всегда буду здесь. Разве вы не понимаете? Я едина с этим местом.

Она набрала в грудь воздуха и замерла в ожидании.

Ребенком Хетти забиралась на это дерево. Они лазали здесь вместе с Кэндис. Они кидали вниз своих куколок с цветочными головками и смотрели, как те медленно падают на землю.

Они называли это игрой в ангелов.

Жизнь – это круг, подумала Хетти и откинула голову, чтобы посмотреть на ветви, где она почти разглядела маленькую девочку, которая поднималась все выше и выше, пока не скрылась из виду.

Кто-то вышиб табуретку из-под ног.

Тело Хетти изогнулось, ноги задергались в воздухе в поисках любой опоры, чтобы ослабить давление на шею.

Хетти не могла говорить, не могла кричать, не могла дышать.

Она могла только извиваться и дергаться, и на долю секунды, пока не померкло сознание, ей показалось, что она видит старую куклу с цветочной головкой, парящую в воздухе, с лицом из ярких лепестков, обращенным к солнцу.

Часть I
Фундамент

Глава 1
Элен

18 мая 2015 года

Бетономешалка сделала очередной оборот. Свежий бетон полился из желоба в форму из деревянных брусьев и жесткой изоляционной пены, уложенной на толстую гравийную подушку. Грузовая машина изрыгнула клубы дизельных выхлопов в чистый утренний воздух с сосновым ароматом.

«Нам суждено быть здесь», – сказала себе Элен, отворачиваясь от едких выхлопных газов. Было восемь часов утра. Обычно в это время она спешила на работу или останавливалась выпить чашку кофе латте, делая вид, что небольшое опоздание ничего не значит. Но теперь она находилась здесь, в окружении деревьев и северных птиц, чьи песни были непонятны ей, и наблюдала за тем, как рабочие заливают фундамент дома.

Заливка фундамента была единственной работой, которую они заказали на стороне. Глядя на людей в желтых сапогах, Элен радовалась, что они поручили дело профессионалам. Рабочие выравнивали бетон над арматурой и сеткой, а Элен изучала окружающий пейзаж: поляну, где они стояли, густой лес вокруг, холм на западе и узкую тропу, ведущую к болоту на юге. Нат говорил, что они могут справиться сами и что свободно лежащая плита ничем не хуже других вариантов, но Элен настояла на том, что профессиональная планировка и заливной фундамент будут лучшим стартом для строительства.

– Если бы мы ошиблись хотя бы на четверть дюйма, то вляпались бы по-крупному, – сказала Элен. – Можешь мне поверить, на этом будет стоять весь дом, и это нужно сделать правильно.

Нат неохотно согласился. Они внимал доводам науки и математическим расчетам. Если подойти к нему с твердыми фактами и числами и подкрепить свои аргументы с научной точки зрения, то он шел на уступки. Да, к этому утру привели многомесячные бдения, – в сущности, даже сегодня ночью, в мотеле, Нат изучал бесчисленные книги о строительстве – «Строительство дома для всех», «Строительство и дизайн вашего дома» и «Руководство по созданию дома вашей мечты». Он записался на воскресные курсы строителей частных домов и провел несколько выходных в комплексе «Живая среда обитания», возвращаясь по вечерам с головокружительными ощущениями и безостановочно рассказывая о стенах нового жилища и первичной электропроводке, которую они прокладывали.

– Это самая чудесная работа, какую мне приходилось видеть, – говорил он.

Но отец Элен был строителем. Одним из ее самых ранних воспоминаний было лето перед поступлением в первый класс, когда он привел дочь на стройплощадку и научил выпрямлять погнутые гвозди; сначала он показал, как нужно держать молоток, обхватив ее пальцы своими. Элен проводила выходные дни и летние каникулы, заколачивая гвозди, вешая и закрепляя листы гипсокартона, вставляя рамы для дверей и окон. Она помогала отцу ремонтировать и реконструировать изъяны некачественного строительства: выравнивать кривые стены с потрескавшейся штукатуркой, чинить плохо установленные окна со щелями и протечками, укреплять крыши, грозившие обрушением из-за слабой стропильной конструкции. Элен понимала, какая тяжелая работа их ожидает. Уже несколько месяцев лицо Ната принимало блаженно-глуповатое выражение, когда он с довольным видом рассуждал о строительстве «дома нашей мечты». Элен нравился его энтузиазм и поэтическое описание изгибов крыши или окон с видом на юг,

но тем не менее ее желудок завязывался в узлы, и она прикусывала щеки, пока не ощущала вкус крови во рту.

Сейчас, когда рабочие заливали цемент, Элен взяла руку Ната и нервно сжала ее.

«Нам суждено быть здесь, – мысленно повторила Элен. – *Я сдвинула дело с мертвой точки. Это моя мечта»*. Психотерапевт из Коннектикута научил ее этой чепухе разглагольствованиями о том, что она может создавать собственную реальность позитивными утверждениями каждый раз, когда чувствует, что почва уходит из-под ног.

Нат ответил на ее пожатие – один, два, три быстрых толчка, словно тайный шифр, который гласил: «*Мы здесь, мы сделали это!»* Она ощущала дрожь радостного волнения в его теле.

Двое рабочих в желтых сапогах аккуратно провели доской по волнистой поверхности застывающего бетона, выравнивая его.

* * *

Возможно, это она сдвинула дело с мертвой точки, но на самом деле они были здесь из-за Ната. Примерно полтора года назад отец Элен умер от сердечного приступа, и она, обычно спокойная и уверенная в своей жизни, оказалась в тяжелом положении. Элен чувствовала себя несчастной и запутавшейся. Ей казалось, что жизнь должна представлять собой нечто большее, чем необходимость каждое утро идти на работу, пусть даже это была любимая работа. Элен преподавала историю США школьникам средних классов, сообразительным детям, задававшим разумные вопросы. Работа давала Элен ощущение цели, смысла и осознания того, что она делает нечто полезное… но все-таки этого было недостаточно. Смерть ее отца была похожа на звонок будильника или на предупреждение о том, что однажды она тоже умрет, – возможно, раньше, чем ожидает, и без всякого предупреждения. Вместе с тем Элен мучила мысль, что она живет не так, как должна жить. Эта мысль наполняла ее ужасом, и тяжелое, давящее ощущение распространялось на все остальное.

– Чего ты хочешь? – спросил Нат однажды вечером. Он рассматривал ее новую тревогу как загадку или проблему, требующую решения.

Они сидели в гостиной их кооперативной квартиры в Коннектикуте. Нат открыл бутылку вина, и они прижались друг к другу на диване перед газовым камином, который никогда не нравился Элен, потому что был плохой заменой настоящему камину с потрескивающими дровами и запахом дыма. Нат купил ей благовония с сосновым и кедровым запахом, чтобы зажигать их перед работающим камином, что было очень мило с его стороны, но не особенно помогало.

– Что может сделать тебя счастливой? – спросил Нат, снова наполнив ее бокал.

Она посмотрела на своего симпатичного, усердного, серьезного мужа, любителя решать проблемы, и абсурдность его вопроса поразила ее как удар под ложечку.

– Счастливой? – тупо повторила Элен. Казалось, что счастье – это естественное состояние Ната. Он находил искреннюю радость в еженедельных экскурсиях с группой орнитологов-любителей, состоявшей в основном из пожилых людей, в заповедники и национальные парки для наблюдения и фотографирования дроздов, балтиморской иволги и щеглов. Он с наслаждением просматривал свои любимые научные блоги и подкасты. Он обретал душевное спокойствие, изучая окружающую природу и подразделяя живых существ на царства, типы, порядки, классы и виды. В магистратуре Нат постоянно выступал в качестве гостя в блоге своего лучшего друга Пита. Пит писал о проблемах окружающей среды и привлек Ната к съемке серии коротких видеосюжетов под общим названием «Спросите ученого мужа». Читатели присылали вопросы, вроде: «Какие мутации характерны для лягушек?» или «Что происходит с популяцией пчел?», и Нат выступал в лабораторном халате, объясняя мутации, биологическое разнообразие и эволюцию доступным, обаятельным и вместе с тем вполне научным образом.

Для Ната с его научным складом ума мир обладал изначальным смыслом; везде присутствовал успокоительный порядок, которым он с удовольствием делился с другими людьми. Он никогда не испытывал потребности задавать себе более серьезные вопросы, вроде: «Чего не хватает в этой картине мира?» или «В чем подлинная цель того, что называется жизнью?».

Сейчас он поморгал и кивнул, продолжая смотреть на Элен в ожидании ответа и явно не собираясь отступать, пока не получит его.

Элен подумала о том, как она проводит время, и о своих ежедневных поездках по пригородному пейзажу, состоявшему из аптек, ресторанов, стрип-клубов, автомоек и прачечных. Много света и шума, множество людей, спешащих по своим делам, покупающих занавески, лекарства от изжоги или забирающих белье из прачечной перед тем, как отправиться на работу. Все это казалось совершенно бессмысленным.

«Что делает меня счастливой?» – подумала она.

В последнее время она чувствовала себя лучше всего во время бесплатных экскурсий по выходным, которые она время от времени водила в музее Гринсборо – крошечном историческом музее, воссоздававшем быт и нравы середины XIX века. Одетая в плотное длинное платье со старинным капором, она делала маканые свечи и сбивала сливочное масло под любопытными взглядами посетителей. Она с удовольствием отвечала на вопросы о том, какой была жизнь в то время и как мужчины и женщины проводили свои дни. Элен была историком, и становление Америки было областью ее профессиональных интересов. Подобно Нату, игравшему роль ученого мужа, ей нравилось делиться своими знаниями. Но больше всего она любила минуты тишины в музее, в промежутках между экскурсионными группами, когда она действительно могла представить, что вернулась в прошлое, где жизнь была спокойной и осмысленной. Нужно было доить коров, ухаживать за садом, сбивать масло, топить печь и готовить ужин.

Нат продолжал смотреть на нее, Элен сделала большой глоток вина, закрыла глаза и углубилась в свою память в поисках старейшей мечты, появившейся в детстве, когда она читала о маленьком доме в прерии, – мечты, подкрепленной ее студенческими и научными исследованиями о жизни колониальной Новой Англии и американских первопроходцев.

Элен не могла прямо сказать Нату, что ее сделало бы счастливой путешествие в прошлое, поэтому выбрала самое близкое к этому.

– Дом в сельской глуши, – наконец сказала она.

Нат удивленно повернулся к ней.

– В глуши? Ты серьезно?

– Да, – ответила она. – С хорошим земельным участком, где есть место для большого сада; возможно, для кур и коз. И с кладовой. Я хочу научиться консервировать овощи, которые буду сама выращивать. Я хочу вести простую жизнь, подальше от шума и уличного движения.

Когда она произнесла эти слова, то почувствовала их подлинность: это была ее мечта, ее неизменное тайное желание. Она посмотрела на жалкий огонек газового камина и добавила:

– Еще я хочу иметь настоящий камин, где горят настоящие дрова.

Нат с улыбкой поставил свой бокал и взял жену за руку.

– Эти желания легко выполнимы, – сказал он, целуя ее пальцы.

В тот момент Элен не придала особого значения его замечанию.

Как подступиться к такой грандиозной перемене? Их жизнь казалась высеченной в камне: приятная новая квартира, которой им пришлось дожидаться, новенькая «тойота приус», ежемесячные счета, после оплаты которых оставалось лишь немного денег. У обоих имелась завидная преподавательская работа в академии Палмера, частной школе с полным пансионом для богатых детей со всей Новой Англии. Нат преподавал курс естественных наук, а Элен – историю. С учетом времени на дорогу, школьные уроки, проверку домашних заданий, письменных тестов и составление учебных планов по вечерам, они работали по шестьдесят часов в неделю, а то и больше. Все это никак не сочеталось со спокойной жизнью в глубинке.

Но Нат уже строил планы.

– Мы не так глубоко застряли здесь, как ты думаешь, – сказал он спустя пару дней и указал на стопку конвертов, которые начали поступать через несколько недель после смерти ее отца.

Элен понимающе кивнула. Она была единственным ребенком, и ее отец – простой человек, проживший на своем ранчо более пятидесяти лет, водивший старый пикап «форд» и покупавший одежду в «Уолмарте», – оставил дочери большой сюрприз. Она была слишком поглощена горем, чтобы все правильно понять в первые дни после похорон, когда его юрист впервые поднял этот вопрос, но когда она наконец заставила себя разобрать отцовские архивы, то испытала настоящее потрясение. Элен понятия не имела, что все эти годы он копил деньги на вкладах и делал разумные капиталовложения, что он имел два полиса страхования жизни с щедрыми выплатами и что его скромный дом, который он выкупил за двадцать лет, из-за своего выгодного расположения стоил каждого доллара, потраченного на ипотечные выплаты. Это было непредвиденное наследство, и, хотя Элен была скорее ошеломлена, нежели обрадована, Нат был совершенно прав. С такими деньгами можно было решить почти любые проблемы.

Все остальное промелькнуло, как в тумане. Однажды Нат купил ей книгу о домашнем консервировании. В субботу рано утром он разбудил ее поцелуем и улыбкой.

– Пойдем собирать яблоки, – предложил он за чашкой кофе.

Элен очень понравилось гулять в саду, дыша чистым и прохладным осенним воздухом. Она вернулась домой с новой энергией и, следуя инструкциям в своей новой книге, приготовила шесть банок яблочного соуса и шесть банок яблочного мармелада. В течение следующих нескольких недель Нат с головой погрузился в интернет-поиск и проводил долгие часы на сайтах по продаже недвижимости в Новой Англии.

Они просматривали дома в Коннектикуте и Массачусетсе, но потом сузили свой поиск до Вермонта и Нью-Гэмпшира. Ни один из домов не выглядел по-настоящему привлекательно. Элен нравились старые колониальные особняки и дома в фермерском стиле, но все это было построено более ста лет назад и требовало огромной работы: они видели потрескавшиеся фундаменты, грязные подвалы, старинную электропроводку на трубках и роликах, протекающие трубы, гнилые балки, просевшие крыши. Элен увлеклась мыслью о находке дома с историей, который можно было вернуть к жизни. Ей очень понравился дом, он был одним из первых, которые они осмотрели: старинный дом с мезонином в крошечном поселке неподалеку от Кина в Нью-Гэмпшире. Там почти в каждой комнате были вытесанные вручную открытые балки и половицы из широких сосновых досок. Элен стояла перед глубокой кухонной раковиной из мыльного камня и смотрела на передний двор, чувствуя себя как дома. Но Нат, вооруженный неделями исследований, указал на сухую гниль, древнюю проводку, грозившую пожаром, и на выщербленную шиферную крышу.

– Мы можем спасти его, – с надеждой сказала Элен.

Нат покачал головой. Элен была уверена, что он уже провел мысленные расчеты.

– Не думаю, что нам хватит денег на это. Бедный дом нужно разобрать и собрать заново. – Он беспомощно оглянулся по сторонам и пробормотал: – Мы могли бы просто построить новый дом.

Хотя эта мысль и пришла в голову, понадобилось еще несколько недель на просмотр полутора десятков заброшенных домов (некоторые из них восхитили Элен, но Нат объявил их недостойными спасения), прежде чем идея укоренилась.

Они обедали в комнате мотеля, перекусывая заказанной пиццей после очередного долгого дня поездок по проселочным дорогам Вермонта.

– Наверное, нам стоит подумать об этом, – сказал Нат. – Новый дом, построенный с нуля. Так мы получим именно то, чего хотим.

– Но новый дом выглядит таким холодным и безжизненным, – возразила Элен. Она снова вспомнила о маленьком доме в прерии и подумала о своем отце – о бесчисленных домах, где он работал, и о том, как он изучал дом и выносил суждение о его «здоровых костях» или о его характере. Он говорил о старых домах, как о людях.

– Не обязательно, – сказал Нат. – Дом будет таким, каким мы его построим.

– Но в нем не будет ощущения истории, – сказала Элен.

– Если хочешь, мы можем отделать его в старом колониальном стиле, – предложил Нат. – Только подумай: мы можем взять лучшее от двух миров! Мы можем взять классический образец и приспособить его под свои нужды. Энергоэффективный, экологичный, с солнечными батареями… как угодно.

Элен улыбнулась:

– Кто-то снова побывал в кроличьей норе Google?

Он рассмеялся, поскольку все было ясно без слов. Но вопрос по-прежнему висел в воздухе, и Нат смотрел на нее в ожидании ответа.

– Не знаю, – призналась Элен. – Это обойдется гораздо дороже.

– Не обязательно, – возразил Нат. – В сравнении с настоящей реконструкцией старого дома, вроде тех, что мы видели, мы можем даже сэкономить, особенно в долгосрочном плане, если мы сделаем дом максимально эффективным и независимым от внешних источников питания.

Чем больше Нат говорил, тем больше он воодушевлялся: его идея обрастала подробностями, как снежный ком. Они будут работать сами, ведь они уже обсуждали теоретическую реконструкцию многих старых домов. Почему бы не сделать еще один шаг?

– Боже мой, как же мы раньше не подумали об этом? Мы и близко не подошли к дому нашей мечты, потому что его еще не существует: нам нужно построить его! Мы будем работать, как Торо на пруду Уолден!

Элен покачала головой, думая о том, как это нелепо. Она изучала Торо в колледже и даже совершила поездку на пруд Уолден.

– Торо построил крошечную хижину, где можно было поставить стол и кровать. А мы говорим о доме площадью две тысячи квадратных футов со всеми современными удобствами. Ты представляешь, какая это работа?

– Я не говорил, что это будет легко, – сказал Нат. А потом он бросил ей вызов: – Тебе не кажется, что этого хотел бы твой отец?

– Я не… – Ее голос дрогнул. Она вспомнила, как помогала отцу заканчивать работы по дому летом перед поступлением в колледж. «Этот дом простоит еще очень долго, – сказал отец. – Ты сможешь приехать сюда с детьми и внуками и сказать, что ты помогала строить его. Этот дом, который мы с тобой построили, переживет нас обоих».

– Думаю, это идеальный вариант, – заключил Нат. – Можешь мне поверить!

Было трудно не заразиться энтузиазмом Ната и не поверить ему, когда он считал, что нашел решение проблемы. Он был рационалистом и критическим мыслителем, и она привыкла доверять ему в практических делах. Он узнал (через несколько часов поиска), какой автомобиль им нужно купить, какой план выбрать для погашения их студенческих займов и даже в какой спортзал им нужно ходить.

Она любила его по многим причинам, но в основном из-за того, что он уравновешивал ее, удерживал ближе к земле, брал ее самые эфемерные идеи и придавал им форму. Если он говорил, что постройка дома имеет больше смысла, чем покупка, то, наверное, он был прав. И если он говорил, что есть способ сделать это и дать Элен ощущение истории, которое она желала получить, она должна была верить ему.

Элен протянула руку над коробкой с пиццей, взяла один из глянцевых буклетов с рекламой недвижимости в Новой Англии и пролистала до последнего раздела со списком земельных

участков. Она стала разглядывать фотографии пустующих участков, пытаясь представить дом своей мечты, стоявший на участке, и их с Натом внутри.

* * *

«Вот где будет наш дом», – подумала Элен, наблюдая за продолжением фундаментных работ. Она почти представляла очертания дома, отбрасываемую им тень и крышу, поднимавшуюся к невероятно голубому небу. Облака висели так низко и были такими объемными, что Элен была уверена: стоит подняться на холм, и можно будет потрогать их. Виды вокруг напоминали детский рисунок: деревья, небо и облака, веселое желтое солнце и внизу коробочка дома и миниатюрная улыбающаяся пара, стоящая во дворе.

Они обнаружили этот участок еще в январе и в тот же день сделали предложение о покупке. Самое удивительное заключалось в том, что его даже не было в их списке для просмотра; они нашли его, когда заблудились в поисках старинного крытого моста, который Элен хотелось осмотреть. Они остановились возле универмага с намерением спросить дорогу и увидели объявление на старой доске: сорок четыре акра земли в маленьком поселке Хартсборо, штат Вермонт. Они позвонили риелтору и договорились встретиться с ним на участке во второй половине дня. Около половины участка заросло лесом, а западная часть граничила с Брекенриджским болотом. Земля, которая считалась непригодной для фермерства или строительства. Согласно местному преданию (риелтор сообщил об этом со сдержанным смехом), здесь водились призраки. Когда они брели к участку по свежевыпавшему снегу толщиной около фута, Нат присоединился к веселью.

– Как вы думаете, продавец даст скидку из-за того, что здесь водятся призраки? – поинтересовался он.

– Думаю, продавец хорошо мотивирован и готов рассмотреть любое разумное предложение, – ответил риелтор, вернувшись к серьезному тону.

Они оказались на большой поляне со склоном холма впереди, лесом слева и справа и одноколейной грунтовой дорогой позади. Пока они шли, начался снегопад, и большие снежинки задерживались на ресницах Элен. Ноги увязали в чистом белом снегу, и Элен смотрела на заснеженные деревья, немного поникшие под весом снежной массы. Ее поразили тишина и безмятежность этой местности.

– Призраки? – спросила Элен, сделав небольшой круг. – В самом деле?

Риелтор уныло кивнул, как будто сожалея о своих словах.

– Так говорят люди. – Он пожал плечами, словно не знал историю, и стал рассказывать о том, что задняя часть участка граничит с дорогой третьего класса, которая зимой превращается в трассу для снегоходов.

– Вам нужно завести пару снегоходов, и тогда вы будете при делах, – сказал он. – Но, если серьезно, вы должны понять, что, хотя здесь сорок четыре акра, только четыре акра пригодны для строительства. Остальная местность либо слишком холмистая, либо слишком заболоченная. Вот почему цена такая низкая.

Элен не верила в призраков, зато она верила в историю.

– Эй, не все участки продаются в комплекте с призраками, – шепнула она на ухо Нату. Если к этому месту прилагалась легенда о призраках, оно уже имело необычную историю. Возможно, это не то же самое, что столетний дом с историческими документами, но тайна ничуть не хуже.

Нат кивнул, пошевелил пальцами и издал призрачное «У-уу!». Потом он указал на сахарные клены, растущие на холме, и сказал, что они могут собирать сок, варить его и готовить кленовый сироп.

– Что может лучше отражать сущность Вермонта? – риторически спросил он.

Когда они обходили участок, Элен ощущала странное чувство близости, почти дежавю, как будто она уже была здесь раньше. Глупости, конечно.

Они осмотрели ровный участок с хорошей южной экспозицией, который мог стать превосходной стройплощадкой, и старый зеленый автофургон, стоявший на краю поляны.

– Во время строительства мы можем жить в фургоне, – сказал Нат. Потом он склонился поближе и возбужденно прошептал: – Это идеальное место! Здесь есть все, на что мы надеялись, и кое-что еще.

Место и впрямь казалось идеальным. Даже слишком совершенным, – с самого начала Нат описывал точно такой же участок, землю обетованную, которую он обещал найти для жены. Тогда у Элен и появилось это ощущение. Эта земля – место для их нового дома – была суждена им и взывала к ним. Но мысль была не вполне теплой и утешительной; нет, она больше напоминала занозу в шее. Это одновременно привлекало и отталкивало, вызывало желание сесть в автомобиль и гнать без остановок до Коннектикута.

– Не знаю, в каком состоянии находится этот фургон, – признался риелтор. – Хозяин пользовался этим местом как охотничьим лагерем, но он долго не приезжал сюда. Там есть примитивный водопровод и электричество, но я не знаю, работает ли оно. Участок продается «как есть».

Элен посмотрела на старый трейлер с алюминиевыми стенками, покрытыми выцветшей зеленой краской, и прикинула, что его длина составляет около тридцати футов, а ширина – восемь футов. Он стоял на бетонных блоках. Крыша еще не провалилась, а окна с опущенными жалюзи оставались целыми.

Нат смотрел на все окружающее – лес, трейлер и поляну – жадными и восхищенными глазами. Он принес с собой фотокамеру, которой пользовался на орнитологических экскурсиях, и теперь деловито запечатлевал окрестности.

Участок в Хартсборо зачаровал их обоих, несмотря на январский мороз. Элен повела Ната по склону холма, легко отыскав тропинку между деревьями, ведущую к замерзшему болоту. Они прошли к центру болота, пока риелтор дожидался их в своем «шевроле сабурбан».

– Можете смотреть сколько хотите, – сказал он.

Нат указал на следы на снегу: оленьи, заячьи и даже отметины от крыльев, где сова спикировала на сугроб, чтобы закогтить какого-то беспечного грызуна.

– Как будто ангел спустился на землю, – заметила Элен, думая о вышеупомянутом призраке и гадая, оставляют ли призраки следы в материальном мире. Она решила, что, если оставляют, это выглядит именно так: легкий отпечаток крыла на снегу.

Нат потыкал палкой и указал на следы крови.

– Ангел, который питается вкусными полевками, – с ухмылкой произнес он.

Мальчиком Нат проводил летние месяцы на ферме своих родителей в Нью-Гэмпшире. Элен знала его только взрослым, но, может быть, он втайне хотел снова стать деревенским парнишкой, не запертым в пригороде, где единственными признаками другой жизни были сверчки на заднем дворе и шумные белки, воевавшие перед домом за черные семена подсолнечника.

Участок находился примерно в миле от поселка с маленьким универмагом, зданием ратуши, пиццерией, методистской церковью, крошечной библиотекой и бензоколонкой.

– Мы можем ходить сюда пешком, – сказал Нат.

– Готова поспорить, здесь устраивают церковные ужины, – сказала Элен.

– А может быть, и танцы на площади, – с улыбкой добавил Нат, взяв ее под локоть и описав пируэт на кромке льда над болотом.

Когда они остановились, раскрасневшиеся и запыхавшиеся, Элен сказала:

– Хотелось бы, чтобы папа мог увидеть это место.

Нат кивнул:

– Как думаешь, оно бы ему понравилось?

– Да, – сказала Элен и снова посмотрела на отпечатки совиных крыльев. – Определенно, оно бы ему понравилось.

Решение было принято. Назначенная цена оказалась существенно ниже, чем они запланировали, но тем не менее они еще сыграли на понижение – просто для того, чтобы проверить реакцию. К их удивлению, предложение было принято немедленно.

– Полагаю, ему действительно хотелось продать этот участок, – сказал Нат.

Два месяца спустя они закрыли сделку, так и не встретившись с продавцом. Его представлял юрист, сообщивший, что мистер Декро теперь находится во Флориде, что он нездоров и не расположен к долгим поездкам. После этого Элен и Нат отправились позавтракать в маленькое кафе на окраине поселка. Это был праздник: теперь они стали гордыми землевладельцами!

Но Элен вела себя сдержанно. Они были слишком хорошо одеты, носили неподобающую обувь и красивые куртки; здесь они выглядели чужаками. Нужно будет поработать над тем, чтобы выглядеть поскромнее и лучше вписываться в местную обстановку. Элен достала из сумочки записную книжку и начала составлять список вещей, которые им понадобятся: крепкие кожаные сапоги, шерстяные свитера, флисовые куртки и фуфайки, фланелевые брюки, теплое нижнее белье. Потом она составила список инструментов, которые им понадобятся, ставя звездочки рядом с теми, которые они уже позаимствовали из мастерской ее отца: циркулярная пила, лобзик, ножовка по металлу, кувалды и молотки всех размеров, маркеры, уровни, отвесы и так далее. Составление списков успокаивало ее; знание необходимых вещей доставляло удовольствие.

* * *

Они продали свою кооперативную квартиру и дом отца Элен. Обе продажи прошли легко и быстро, несмотря на мрачные предупреждения друзей о мошенниках на рынке недвижимости в Коннектикуте. Они оставили свою приятную и надежную преподавательскую работу в академии Палмера, отказавшись не только от двухмесячной выплаты, но и от медицинской страховки, и от накопительных пенсионных счетов. Они даже обменяли свой маленький «приус» на пикап «тойота такома». Они продали или раздали большую часть своего имущества, поместив наиболее ценные вещи на платное хранение.

Друзья и коллеги сочли их сумасшедшими, когда они описали свой план построить дом, посадить сад и выращивать кур и коз.

– М-мм, звучит *прелестно*. Как будто ты собираешься пройти девять кругов ада, – заметила подруга Элен, Дженни, на прощальной вечеринке, устроенной ее мужем Ричардом. Элен только посмеялась.

– Ты когда-нибудь думала, что родилась не в том веке? – спросила Дженни и прищурилась, наполняя бокалы красным вином. Элен кивнула: да, она часто думала об этом.

Дженни была старейшей подругой Элен: они были знакомы с детского сада.

– Подумай обо всем, от чего ты отказываешься, – сказала Дженни. – И ради чего? Ради того, чтобы вы отморозили задницы в этой дыре, разыгрывая фантазию о «близости к земле» в духе 1960-х годов? Вы останетесь одни, и мы больше не услышим о вас.

– Конечно, услышите, – пообещала Элен.

– Да, в новостях. Мы узнаем, что вас сожрали медведи.

– Черные медведи не едят людей, – сказал Нат.

– Тогда волки.

– В Вермонте нет волков, – возразил Нат.

– Как угодно, Сын Природы. – Дженни театрально закатила глаза и сделала широкий жест бокалом вина. – Говорю вам, непременно случится что-то плохое. Вы вступите в коммуну,

присоединитесь к какому-то культу, и Элен перестанет брить подмышки, а Нат станет Джеком из «Сияния» Стивена Кинга. Или бомбистом.

– Перестань, – рассмеялась Элен.

– Я серьезно, – сказала Дженни. – Тед Казински[2] построил хижину в лесу, занялся выживанием в одиночку, и посмотрите, чем это обернулось для него. Пожалуйста, окажите мне услугу и поменяйте свои планы, пока еще не поздно.

Но они ничего не изменили.

Когда Элен выражала беспокойство по поводу безопасности, от которой они собирались отказаться, Нат говорил: «Мы делаем это для себя, так что это и есть настоящая безопасность. Когда мы закончим, у нас будет дом без закладной, построенный своими руками, и достаточно земли, чтобы прокормиться. Это все, чего ты хотела, не так ли? Это твое место в мире».

Да, так оно и было. И ей нравилось, как быстро ее мечта стала его мечтой. Он принялся за дело так, как приступил бы к научному проекту, составляя планы, рисуя таблицы и проводя долгие часы перед компьютером. Нат даже подготовил презентацию в PowerPoint и продемонстрировал Элен поэтапный план строительства.

– Видишь, если мы все сделаем правильно, нам хватит денег на строительство отличного дома, и останется подушка безопасности, чтобы мы могли прожить еще год или больше, если будем аккуратно планировать расходы. А если мы найдем способ заработка на домашнем хозяйстве – будем продавать яйца, кленовый сироп, возможно, твой домашний джем, – то нам не придется возвращаться к работе на полную ставку. Мы сможем сосредоточиться на работе, которая важна для нас. Будем проводить время на природе, заботиться о нашей прекрасной земле. Только подумай: мы будем ежедневно ходить на болото и узнаем обо всех существах, которые там живут. – Глаза Ната блестели от восторга. – Может быть, мы даже заведем блог о нашей жизни здесь, – предложил он. – Я поговорю с Питом; уверен, у него есть масса полезных советов. Вообще-то он зарабатывает неплохие деньги на ссылках, рекламе и своих материалах.

– А я буду изучать историю этой земли и выясню, откуда взялась легенда о призраках. Может быть, здесь когда-то был дом или ферма?

Нат энергично кивнул.

– У нас будет масса интересных занятий и достаточно денег, чтобы продержаться какое-то время, – заключил он.

Они вернулись на участок в апреле, а потом – в начале мая, чтобы навести порядок в жилом фургоне и встретиться с подрядчиками, которые должны были произвести топографическую съемку, спроектировать и заложить фундамент для дома размером двадцать на тридцать шесть футов в стиле «солонка»[3], дизайн которого был основан на старых планах, найденных Элен в книге об исторических домах. Он был похож на тот первый дом в Нью-Гэмпшире, в который она влюбилась. Южный фасад должен быть обильно застекленным, чтобы получать как можно больше тепла от пассивного солнечного отопления.

Теперь наступил первый день строительства. Элен смотрела, как бетон льется из желоба, и думала: «*Вот оно: теперь мы застряли здесь – к лучшему или к худшему*». Они многократно заверили друзей, что делают правильный выбор («Приглашаем всех на выходные, когда дом будет готов!» – говорила Элен), они потратили значительную часть ее наследства на покупку земли, заливку фундамента, инструменты и стройматериалы. Остатки денег были тщательно распределены для неизбежных расходов на внутреннюю отделку и на повседневные нужды, чтобы они могли безбедно прожить хотя бы еще один год.

---

[2] Тед Казински (р. 1942) – математик и анархист, прославившийся рассылкой бомб в почтовых посылках. – *Прим. пер.*

[3] «Солонка» – архитектурный стиль деревянных каркасных (реже кирпичных) домов с щипцовой двускатной крышей, один скат которой более пологий и длинный, так что с одной стороны дом является двухэтажным, а с другой одноэтажным. Считается, что стиль появился в Новой Англии. – *Прим. пер.*

Предыдущую ночь Нат и Элен провели в мотеле, но с сегодняшнего дня будут спать в автофургоне. Завтра со склада пиломатериалов доставят брус для каркаса, и они займутся распределением и складированием. Потом они несколько дней будут работать в саду, пока бетон не застынет окончательно.

Утро выдалось холодным и сырым, что было больше похоже на март или апрель, чем на третью неделю мая. Элен была поражена климатическими отличиями от Коннектикута, который находился лишь в четырех часах езды отсюда. Нат стоял в новых рабочих ботинках; на его подбородке уже пробилась щетина.

– Я собираюсь отрастить большую, окладистую бороду настоящего траппера, – обещал Нат каждый раз, когда они обсуждали свою новую жизнь в Вермонте.

Элен протянула руку и прикоснулась к его щетине. Он повернулся и с улыбкой посмотрел на нее:

– Ну как, ты счастлива?

Элен помедлила и улыбнулась в ответ.

– Определенно да, – сказала она. На самом деле никакой определенности не было, но… «*Скажи слова и сделай их правдой*», – подумала она. – Да, я счастлива, – с нажимом повторила она.

Элен внушала себе, что если она будет часто повторять эти слова, то, может быть, ощущение паники и свободного падения в неизвестность куда-то уйдет.

– Я *очень* счастлива.

«Создавай собственную реальность. Пусть будет так, потому что ты так говоришь».

Нат поцеловал ее. Поцелуй был долгим, и люди, ровнявшие бетон, делали вид, что не смотрят. А Элен была уверена, что чувствует и другой взгляд, устремленный на них. Это было глупо, но она не могла отделаться от ощущения. Она отодвинулась и посмотрела на линию деревьев, потом оглянулась на болото.

На долю секунды ей показалось, что она заметила движение. Силуэт, исчезнувший в тумане.

– Все в порядке? – спросил Нат.

– Да, я просто…

– Что?

– Мне показалось, что я кого-то увидела.

Он улыбнулся и огляделся по сторонам. Его взгляд остановился на рабочих и на их машинах.

– Ну, у нас есть компания, – заметил он. – Кроме того, сейчас за нами наблюдает множество животных: мыши, птицы, еноты, – может быть, даже олени!

Он выглядел ребячески взволнованным, когда оглядывался вокруг в поисках воображаемых животных.

– Наши новые соседи, – сказала Элен.

И снова поцеловала его.

Глава 2
Олив

18 мая 2015 года

Они не останутся здесь. Они *не могут* остаться.

Олив вела наблюдение со своего насеста в развилке старого клена, приложив к глазам бинокль. Она носила камуфляжный костюм. Лицо она вымазала болотной грязью, чтобы не выделяться на фоне деревьев. Ее волосы были заплетены в тугую косичку.

– Мы опоздаем, – слишком громко прохныкал Майк. Он угнездился на нижней ветке, отчаянно вцепившись в дерево.

– Тише! – шикнула Олив. Его лицо было круглым и потным, а волосы подверглись материнской стрижке, от которой осталось несколько пропущенных вихров, торчавших как забавные антенны. Если бы Олив по-настоящему дружила с ним, то предложила бы подровнять волосы.

– Держи рот на замке, – предупредила она.

Отец привозил ее сюда на охоту с тех пор, как ей исполнилось шесть лет. Она умела соблюдать тишину, сливаться с фоном и прятаться за деревьями. Охота на девяносто процентов состояла из выслеживания дичи, наблюдения, тишины, неподвижности и томительного ожидания для точного выстрела.

– Не пойму, в чем тут дело, – шепотом пожаловался Майк. – Я хочу сказать, зачем мы вообще наблюдаем за этими людьми?

– Потому что им здесь не место, – ответила Олив. – Потому что они *все портят*.

Она осмотрела в бинокль номерные знаки штата Коннектикут на новеньком пикапе. Обратила внимание на коричневые рабочие ботинки без единого пятнышка, которые носил мужчина, на его свежую фланелевую рубашку и джинсы. Он выглядел так, словно сошел со страниц каталога «L. L. Bean»[4*]. А женщина в легинсах, кроссовках и толстовке с капюшоном, казалось, была готова отправиться на занятия йогой. Все выглядело новеньким, дорогим и сияющим.

– Равнинные хлыщи, – с отвращением пробормотала Олив. Она знала людей такого типа. Ее отец постоянно жаловался на них. Они вешали на своей земле таблички «Охота запрещена» и ездили до самого Монпелье, чтобы покупать «натурально выращенные продукты», вступали в дискуссионные группы в библиотеках, пили крафтовое пиво и ели фермерские сыры. Они жаловались на мошку, на непролазную грязь на весенних дорогах и на запах с молочной фермы. И Олив знала, что в большинстве случаев они отступают перед трудностями: одна суровая зима, и они выставляют недавно купленную землю на продажу и перебираются в теплые края.

Но некоторые из них оставались.

Некоторые приспосабливались.

Тогда они провозглашали, что только здесь чувствуют себя как дома. Что замечательно жить в таком месте, где люди радушны и приветливы и каждый может быть самим собой.

От таких разговоров Олив хотелось блевать.

Отец предупредил ее. Он сказал, что семейная пара из другого штата купила землю в полумиле от поселка и оформила разрешение на строительство. Появились топографы, а за ними приехали экскаваторы. Но Олив думала, что у нее останется больше времени. Что, может

[4] L. L. Bean – розничная компания, специализируется на одежде и снаряжении для отдыха на природе. – *Прим. пер.*

быть, они все-таки не приедут. Но теперь они были здесь, чистенькие и сияющие, с новеньким блестящим пикапом, а бетономешалка заливала фундамент. Это происходило у Олив на глазах.

Она впилась грязными ногтями в толстую шершавую кору, оторвала кусок и увидела, как он стукнул Майка по голове, прежде чем упасть на землю.

– Олив, я снова опоздаю в школу, и тогда отец освежует меня.

– Тогда уходи, – сказала Олив. Иногда Майк был полным размазней. Он все время поджимал хвост и срывал отличные планы, потому что в глубине души Майк ненавидел нарушать правила. Он боялся попасть в неприятности и был одним из тех детей, которые разражаются слезами, когда учитель кричит на них, несмотря на то, что теперь он был старшеклассником, а не малявкой. Иногда казалось, будто Майк напрашивается на то, чтобы получить пинка под зад, что происходило довольно часто, особенно в последнее время.

– В самом деле, – сказала Олив. – Поспеши в школу, и ты еще успеешь.

По правде говоря, она не нуждалась в его обществе. Он ничего не смыслил в искусстве сохранять неподвижность и сливаться с фоном.

– Пойдем со мной, – умолял Майк, глядя на нее печальными кукольными глазами. Хуже того, Майк всегда повышал голос при любом намеке на неприятности, что делало его больше похожим на пятилетнюю девчонку, чем на четырнадцатилетнего подростка. – Если ты снова прогуляешь занятия, они могут послать за тобой инспектора по делам несовершеннолетних.

Олив испустила презрительный смешок. В поселке не было инспектора по делам несовершеннолетних; если бы он был, то уже несколько недель назад колотил бы в ее дверь. В этом году она явно не была примерной ученицей и не могла припомнить, сколько раз сбегала из школы перед последним уроком или вообще прогуливала занятия. Зато она выполняла домашнюю работу, приходила на контрольные и экзамены и обычно получала хорошие оценки, несмотря на прогулы.

– Послушай, – прошептала она. – Либо оставайся, либо уходи. Мне все равно. Но если ты остаешься, то не двигайся и заткни пасть.

– Как хочешь, – сказал Майк и неуклюже полез вниз, а потом поплелся прочь, согнувшись под тяжестью рюкзака. Он двигался как медведь и имел похожее телосложение: высокий, с округлыми плечами и большим животом. Ребята называли его умственно отсталым из-за того, что его родители якобы были братом и сестрой, но и то, и другое было неправдой. Олив знала, что Майк в тысячу раз умнее любого из ее знакомых. Он был пугающе умным. Он мог дословно запоминать большие куски книжного текста и выполнял математические расчеты, к которым некоторые ученики в выпускном классе не могли даже подступиться. Она ощущала неловкость из-за того, что пришлось грубо отослать его, но какой выбор у нее оставался?

Она поблагодарит его потом, например, купит его любимый шоколадный пудинг в школьном кафетерии или положит новый комикс в его шкафчик в раздевалке. Майку нравилась серия «Зеленый Фонарь», и он даже смастерил собственное магическое кольцо из куска медной трубки, отчего его палец становился зеленым… а Олив была «плохим парнем», которого Майк старался поймать. Олив знала, что Майк по-прежнему носит в кармане это старое кольцо, которое стало ему мало, как счастливый талисман.

Олив снова посмотрела на пару из другого штата, приложив к глазам бинокль, и почувствовала, как в ней закипает гнев, извиваясь, словно клубок змей в животе.

– Я изгоняю вас, – сказала она, что звучало глупо, но было изречением из прочитанной книги. Книги о королевстве с драконами и магами, поэтому Олив подумала, что, может быть, это волшебные слова, которые прогонят их прочь. – Я изгоняю вас.

Она вела себя не лучше, чем Майк с его глупым старым кольцом. Магии не существует. Олив было четырнадцать лет – слишком много, чтобы верить в такую чепуху, как исполнение желаний и волшебные слова или кольца.

Их присутствие может все разрушить. Она никогда не найдет сокровище, если ей придется бродить вокруг глухой ночью. А его нужно найти как можно скорее. Как говорится, время не ждет.

Некоторые люди называли это враньем, слухами или небылицей. Даже Майк не верил, во всяком случае, по-настоящему. Он притворялся, чтобы порадовать Олив. Он ходил с ней каждый раз, когда она отправлялась на поиски, и вел себя так, словно ожидал чуда, но она видела, что он настроен скептически.

Майк, как бы хорошо он ни разбирался в математике и ни запоминал факты, не имел понятия о многих вещах. И, разумеется, люди в большинстве своем были идиотами.

Олив знала, потому что ее мать рассказала ей правду.

– Разумеется, оно существует! – сказала мама два года назад. Они находились в комнате Олив и занимались весенней уборкой: снимали занавески, мыли окна и протирали мебель. Олив любила весеннюю уборку. Она всегда держала свою комнату в чистоте и порядке, но там становилось еще лучше после того, как они с мамой драили и оттирали ее. Все блестело, и запах лимонного очистителя вызывал у Олив теплое и радостное чувство.

– Понимаешь, она знала, что рано или поздно они придут за ней, поэтому она забрала все: золото, серебро и драгоценности – и спрятала в тайнике, – объяснила мама, когда они отодвинули кровать, чтобы помыть пол. – Оно где-то в лесу, который граничит с болотом. Потом, когда сокровище оказалось в надежном месте, она попыталась сбежать в надежде, что вернется потом.

– Но они поймали ее, – сказала Олив и окунула швабру в ведро с мыльной водой.

– Да, разумеется. К ней их привела ее собственная дочь; так говорят люди.

– Я бы никогда так не поступила, мама, – сказала Олив, вынимая швабру.

– Знаю. – Мама потрепала ее по голове. – И я знаю еще кое-что, моя девочка Олли: я совершенно уверена, что мы с тобой найдем это сокровище. Это наша судьба.

Олив понравились эти слова. У них была общая судьба, они были частью чего-то большего, связанного с событиями, происходившими много лет назад. Она ясно видела это в день весенней уборки: они с мамой находят сокровище и выкапывают его из-под земли. Они будут богатыми и знаменитыми. Мама сказала, что они потратят эти деньги на оплату счетов и закладной на дом, а потом вместе с папой отправятся в кругосветное путешествие. Олив представляла, как ее одноклассники включат телевизор и увидят ее в вечерних новостях с широкой улыбкой на лице, потому что они с мамой нашли сокровище, в реальность которого никто не верил.

Но потом кое-что изменилось. Мама нашла для себя другую судьбу, в которой не было места для Олив. Все началось с мелочей: мама стала более молчаливой и скрытной. Олив точно не знала, когда это началось, но мама перестала говорить о сокровище. Однажды за обедом, когда Олив спросила об этом, мама рассмеялась и сказала:

– Нет никакого сокровища, Олли. Его никогда не было. Это просто история, которую я тебе рассказала, когда ты была ребенком. Но теперь ты выросла, и тебе больше не нужны глупые истории вроде этой.

Потом мама стала вести себя так, как будто почти не знала Олли и папу, как будто в доме завелись призраки. Она стала нервозной и постоянно выдумывала предлоги для ухода из дома: им нужно купить молоко, сегодня прекрасный вечер для долгой прогулки, ей нужно помочь подруге. Она стала проводить все больше времени вдали от дома. В тот год она даже пропустила весеннюю уборку, и, когда Олив спросила об этом, мама пожала плечами и сказала, что в доме и так достаточно чисто.

Олив слышала, как однажды вечером ее родители ссорились, и папа сказал: «Кто он такой? Полгорода знает об этом». Мама все отрицала и просила его, чтобы он, ради бога, говорил потише.

Потом как-то утром мама не вышла к завтраку. Обычно она вставала первой и заваривала кофе, но в то утро Олив пришла на кухню и увидела, как папа заливает кипятком растворимый кофе.

– Мама еще не встала?

– Ее здесь нет, – ответил папа, стиснув зубы.

– А где она?

Отец не ответил и отвернулся. Под его глазами залегли темные круги, и Олив была рада, что он не ответил и не сказал ей правду.

В следующие дни и недели Олив изо всех сил старалась выкинуть из головы сплетни, которые она слышала повсюду: приглушенные шепотки взрослых в универмаге, в библиотеке и даже разговоры детей в школе. Это было хуже всего: начинать учебу в старшем классе и слышать за спиной их шепот: «Ее мать сбежала с другим мужчиной. Паршиво иметь шлюху вместо мамы». Олив проходила по длинным, ярко освещенным коридорам с опущенной головой, делая вид, что ничего не слышит и не замечает.

Тетя Рили, папина старшая сестра (папа называл ее «*моей властной мегерой*»), советовала Олив не слушать, что болтают другие люди.

– Ты знаешь, что твоя мама едва ли не лучшая на свете, – сказала Рили. – Не забывай об этом.

Рили была старше ее родителей, но гораздо прикольнее; для Олив она была одной из любимейших людей во вселенной. Олив всегда немного злорадствовала, когда гуляла по городу вместе с Рили, втайне надеясь, что одноклассники увидят их и это каким-то образом повысит ее статус. У Рили была масса татуировок, асимметричная стрижка с голубыми локонами, и она часто красила губы голубой помадой в тон волосам. Она жила в квартире дома в псевдовикторианском стиле, работала над реставрацией исторических зданий, заочно училась в колледже и была волонтером в историческом обществе и в организации «Среда обитания человека». Однажды летом она даже прилетела в Никарагуа, чтобы помочь в строительстве домов для бедняков. Какое-то время Рили была подмастерьем у профессионального татуировщика и хранила альбомы с многочисленными эскизами: тщательными чернильными прорисовками черепов, цветов и животных, а также каллиграфических надписей. Отношение Рили к окружающему миру сводилось к формулировке: «Я хочу быть собой, и мне наплевать, что об этом думают другие» – и было чрезвычайно привлекательным для Олив. И Рили действительно командовала ее отцом или хотя бы пыталась это делать. Она постоянно внушала ему, чем нужно заниматься, и он обычно кивал и соглашался со сказанным, даже если это было нечто, вроде «Пора подстричь газон, Дасти» или «Эта рубашка воняет, пора надеть чистую». Олив знала, что у ее отца и Рили было далеко не лучшее детство: их мать была пьяницей, а отец редко появлялся дома, поэтому тетя Рили фактически воспитала папу, всю жизнь заботилась о нем и гоняла его в хвост и в гриву. Теперь это вошло в привычку.

После ухода мамы Рили предложила отцу переехать к ней.

– Это ненадолго, – сказала она. – Просто небольшая помощь, пока не вернется Лори.

Отец сказал, что ценит это предложение, но у них все в порядке.

Рили приносила Олив странные подарки: кумкваты, логарифмическую линейку и кусок янтаря с застывшей мухой внутри.

– Что тут скажешь, странные штуки всегда наводят меня на мысли о тебе. – Рили подмигивала и ерошила Олив волосы, когда вручала подарки.

В квартире у Рили была своя коллекция эксцентричных предметов: кости животных, хрустальный шар, карты Таро и маятники. Она регулярно медитировала и воздвигала по разным поводам маленькие алтари – например, когда хотела получить новую работу или вернуть мужчину, который ей нравился. Ей нравилось говорить о своих снах, и она всегда заставляла Олив рассказывать ее сны, когда они были вместе. Рили верила, что сны имеют важное значе-

ние, и купила Олив маленький голубой дневник с солнцем и луной, где она могла записывать свои сновидения. Олив решила, что блокнот слишком красивый, чтобы портить его глупыми записями, и поставила его на книжную полку для использования в будущем, когда она найдет для него подходящее применение.

– У тебя когда-нибудь было впечатление, что ты что-то знаешь еще до того, как это случилось? – однажды спросила Рили у Олив.

Ответ разочаровал Рили. Иногда она раскладывала для Олив карты Таро и предсказывала ее будущее, которое всегда выглядело многообещающе в интерпретации Рили, даже когда ее карты пугали Олив, – например, «Башня» с изображением пылающей после удара молнии башни и людей, падавших на землю.

– Башня – это смятение, внезапные перемены. Твоя жизнь может показаться бурной и хаотичной, но следует помнить, что перемены приносят с собой и хорошие вещи. Ты растешь и развиваешься в результате этих перемен. Вместе с разрушением наступает преображение, верно? Иногда нужно порвать с тем, чем ты себя окружила, чтобы добраться до истины и обрести свою подлинную личность. Разве это не разумно, Олли?

И Олив кивала, а потом они пили горький травяной чай, который должен был уравновесить их и прояснить разум.

Рили упорно, пожалуй, даже слишком упорно, пыталась изменить Олив к лучшему. Она была частой гостьей в их доме, но в основном общалась с мамой. Рили и мама ходили в антикварные лавки, играли в бинго и слушали музыкальные группы, выступавшие в «Сайдер Милл» на шоссе № 9. Отец раздражался (или, по крайней мере, делал вид, что раздражается), когда Рили приезжала в дом и куда-то уводила маму.

– Бог ты мой, жена, – говорил он. – Ты проводишь больше времени с моей сестрой, чем со мной!

Мама смеялась, собираясь на очередное мероприятие вместе с Рили, и говорила:

– Я вышла за тебя только для того, чтобы получить лучшую золовку на свете!

Но теперь Рили приезжала к ним из-за Олив. Возможно, она сама чувствовала себя одинокой и искала чужого общества. Они с Олив пили молочные коктейли, вместе гуляли по лесу, и Рили приглашала ее на выходные к себе домой, где они смотрели черно-белые фильмы ужасов и объедались пирожными. У Рили всегда была коробка любимых пирожных для Олив. Рили и Олив никогда не говорили о маме. Это было негласным правилом: Рили старалась отвратить Олив (а возможно, и саму себя) от мыслей о ее матери, чтобы помочь забыть и привыкнуть к жизни с отцом. Но никакие фильмы ужасов, попкорн и пирожные не могли заставить Олив забыть о маме.

Отец притворялся, что не знает о слухах про маму. Он вернулся на работу (он работал в муниципальном отделе технической поддержки, ремонтировал дороги и зимой водил снегоочиститель) и каждый вечер приходил домой. Он перестал играть с друзьями в карты и пить пиво по вечерам. Он оставался дома и разогревал в микроволновке ужин для себя и Олив. Блюда были безвкусными и слишком жирными – стейк «Солсбери», жареная курица и картофельное пюре, которое по вкусу не напоминало картошку, – но Олив улыбалась и глотала. Отец готовил настоящую еду, только когда приезжала Рили, и это всегда были спагетти с острыми итальянскими сосисками. Он даже покупал дорогой чесночный хлеб и бадейку готового салата. Они делали вид, что каждый день питаются таким образом, чтобы Рили не беспокоилась за них.

– Твоя мама вернется, – пообещал отец, когда они сидели одни и доедали очередной безвкусный ужин из стейков «Солсбери» с фальшивым картофельным пюре и квадратными кусочками яблочного пирога. – И знаешь, что я думаю? – Внезапно его глаза снова заблестели, чего не случалось уже очень, очень долго. Он обвел взглядом кухню, как будто раньше не видел ее: стены с тусклыми облезшими обоями, облупленный углепластик на столешницах. – Думаю, нам нужно приготовить ей сюрприз. Как следует отремонтировать дом… что скажешь?

Ну конечно, Олив согласилась с ним. И начался ремонт.

* * *

Гостевая спальня пошла под нож первой: отец впервые разрешил Олив помахать кувалдой. Она стояла и смотрела на стену через дымчатые защитные очки.

– Ты уверен, – спросила Олив, взвешивая тяжелую кувалду.

– Чертовски уверен, – сказал отец. – Сковырни эту стену, детка. Обрушь ее.

Олив сделала несколько пробных взмахов, противясь разрушению. Потом отец взял инициативу на себя, размахивая кувалдой с яростной сосредоточенностью, испугавшей Олив. Они разрушали стену, чтобы сделать более просторную спальню для родителей.

– Твоя мама всегда хотела иметь большую спальню, – говорил отец между ударами. Его лицо и руки были припорошены известковой пылью. – И собственный одежный шкаф.

Он ударил в стену с удвоенной силой и пробился на другую сторону. Они сделали два встроенных шкафа: для него и для нее. Олив помогла отцу развесить оставленную матерью одежду в левом шкафу. Когда она расправляла лучшее платье матери и ее кожаное пальто, то верила отцу, верила в то, что ее мать действительно вернется домой. Не может быть, чтобы она просто бросила все это. Только не любимое платье и пальто. Только не лучшую обувь. Только не сокровище. Только не свою дочь.

Если не считать ремонта, Олив была как никогда исполнена решимости найти сокровище, уверенная в том, что это событие заставит ее мать вернуться домой. Где бы она ни находилась, она увидит Олив в новостях и узнает о девушке, которая вдруг стала богатой.

Если это не вернет мать, то у Олив будут деньги для ее поисков. Она наймет целую армию частных детективов и сделает все возможное, чтобы мама вернулась домой. Тогда она увидит свою новую просторную спальню, новый огромный шкаф и больше не захочет уезжать.

Между тем Олив продолжала поиски.

* * *

Она прислушалась к шагам Майка, неуклюже пробиравшегося по тропе. Потом подняла бинокль и посмотрела на чужаков. Они обнимали друг друга с глупыми улыбками, словно приклеенными к лицу и говорившими о том, что мечты стали явью. В этот момент Олив ненавидела их. Она ничего не могла с собой поделать.

Она закусила губу, продолжая наблюдать за жителями равнин. Теперь они целовались – какая мерзость!

«Я изгоняю вас», – снова подумала она, сосредоточившись изо всех сил.

Женщина оторвалась от мужчины и посмотрела в сторону Олив. Та не стала дергаться, но крепко вцепилась в дерево, стараясь не выдавать свое присутствие, быть частью пейзажа. Потому что она и *была* частью пейзажа, а это место было частью ее самой. Все вокруг: деревья, животные, болото, шелест ветра в листве.

Глава 3
Элен

19 мая 2015 года

Кого-то потрошили.

Только так можно было описать звук, который она слышала: жуткий пронзительный визг. Какое-то существо было схвачено, вскрыто и выпотрошено заживо. Сначала казалось, что звук раздается прямо за фургоном, но потом он переместился в глубь леса, словно кого-то утащили туда, ближе к краю болота.

Элен бодрствовала уже несколько часов, не в силах уснуть на узкой кровати и прислушиваясь к незнакомым звукам – скрипу ветвей, вою собак, уханью сов, – таким непохожим на приглушенный шум уличного движения, который она слышала по ночам в городской квартире.

Теперь от этого ужасного крика у нее сперло дыхание, а сердце подскочило к гортани.

Между тем Нат мирно спал. Типично для него.

Элен пихнула его в бок.

– Нат! – шепотом прокричала она, стараясь контролировать дыхание, чтобы скрыть панику. – Нат, ты это слышал?

Она села, стукнувшись головой о нелепую полку над кроватью в крошечной спальне. На кровати едва можно было уместиться вдвоем. Шкаф отсутствовал, так что полки висели повсюду. Застелить постель было настоящим подвигом, требовавшим акробатических трюков, на которые Элен раньше не считала себя способной.

– Что слышал? – спросил Нат, перекатившись на спину.

– Это был крик. Ужасный крик.

Он сел, стукнулся головой о полку и пробурчал:

– Вот дерьмо!

Нужно что-то предпринять с полками, прежде чем один из них заработает сотрясение мозга или рваную рану, которую придется зашивать. Ближайшая больница находилась в сорока пяти минутах езды отсюда. Элен пыталась не думать об этом, когда представляла, какая работа им предстоит и как легко будет промахнуться с дисковой пилой или упасть с приставной лестницы, установленной на неровной земле.

Нат потянулся вверх и пошарил по полке, включая настольную лампу. Маленькая комната тут же озарилась ярким светом. Элен заморгала и отвернулась.

– Выключи! – велела она.

– Что? Почему?

– *Потому что*, – сказала она тоном человека, который обращается к идиоту. – Потому что так все снаружи узнают, что мы здесь.

Она сознавала, как глупо это звучит. Страх пересилил все остальное.

Нат посмотрел на нее с насмешливым изумлением. Он оставил свет включенным и потянулся за очками. Днем он носил контактные линзы, но теперь они отмокали в пластиковом стаканчике возле крошечного умывальника.

– Элен, это было всего лишь животное, – успокаивающе произнес он.

– Вопящее животное? На слух казалось, будто кого-то потрошили заживо, Нат.

Если бы он слышал этот звук, то не был бы таким спокойным. Нат ласково накрыл ее руку своей.

– Возможно, это лиса или пекан-рыболов. Они издают жуткие вопли.

– Это было что-то другое.

– Я найду аудиофайл в интернете и завтра утром воспроизведу его для тебя, – сказал Нат. – Ты сама убедишься.

Где-то в лесу заухала сова, и ей ответила другая.

– Это пестрая неясыть, – взволнованно произнес Нат. – Похоже на то, что ты слышала?

Элен раздраженно вздохнула:

– Нет, мистер ученый. Это сова. Я знаю, как кричат проклятые совы! А кричали так, словно кого-то пытали.

– Готов поспорить, это был пекан-рыболов. Я никогда их не слышал, но, судя по описанию, они издают жуткие крики.

Он выключил свет, положил очки на полку и улегся в постель.

– Ты что, собираешься спать дальше? – недоверчиво спросила Элен. – Серьезно?

– Сейчас половина четвертого, Элен. Нам предстоит большая работа.

Нат обладал почти сверхъестественной способностью спать в любых условиях. Он мгновенно отключался, и когда засыпал, то было практически невозможно разбудить его. Будильники не помогали. Он с гордостью говорил, что однажды проспал землетрясение магнитудой 6,5 балла в Сальвадоре, когда учился в магистратуре и отправился туда с исследовательской поездкой.

Элен была устроена иначе. Она регулярно страдала от бессонницы, особенно на новом месте. А теперь, после зловещих криков из тьмы, шансы заснуть были минимальными. Возможно, так оно и лучше; один из них должен бодрствовать на тот случай, если хищник вернется.

Она лежала в темноте, слушая ветер и тихое похрапывание Ната. Снова заухала сова, но криков больше не было. Элен в тысячный раз подумала, каким образом Нату удалось втянуть ее в это предприятие. Она вспомнила слова Дженни: «Подумай о том, от чего ты отказываешься! И ради чего?»

Теперь Элен лежала в постели с открытыми глазами и дожидалась таинственных воплей в ночи, – как раз то, о чем предупреждала Дженни.

Элен закрыла глаза, сделала глубокий вдох и попыталась представить, как здесь было, когда появились первые поселенцы. Никакого электричества. Никакого интернета для поиска животных, издающих ужасные крики посреди ночи. Когда она не могла заснуть, то думала об истории. О своих исследованиях и об исторических фактах, потому что при взгляде в прошлое настоящее не казалось таким уж плохим, что бы ни происходило.

Элен представила женщину, которая пришла и поселилась в этом лесу триста лет назад, слушая непривычные звуки: треск ломающихся веток, уханье совы, дикие и пронзительные крики неизвестного существа. Может быть, ее муж лежал рядом и безмятежно храпел во сне? Могла ли она тихо проклинать его за то, что он уговорил ее прийти сюда? Эта мысль вызвала у Элен улыбку, и она почувствовала себя не такой одинокой. Фургон был тесным и неуютным, внутри пахло мышами. В сущности, это была алюминиевая коробка с крошечными окнами, закрытыми жалюзи, внутренней обшивкой из темных МДФ-панелей и ненадежной электропроводкой. Если включить свет в одном месте, в других местах он начинал мигать и меркнуть. Линолеум отстал от пола в нескольких местах (они закрыли его ковриками, где это было возможно), МДФ-панели на стенах рассохлись и покоробились. Спальня была размером с большой платяной шкаф, где едва помещалась двуспальная кровать, а в крошечном туалете и кухне-гостиной трудно было повернуться. Кухонное место напоминало камбуз со старыми металлическими шкафчиками, местами покрытыми ржавчиной. Элен попробовала украсить их самоклеящейся пленкой, но она отлепилась и висела как содранная кожа.

Когда они начали расчистку (Нат перенес Элен через ржавый порог, словно новобрачную), то обнаружили кучу хлама: ветхую старую мебель, продукты в кухонных шкафчиках и холодильнике, одежду на полках в спальне и даже зубную щетку возле умывальника.

– Что-нибудь стоит оставить? – спросил Нат, когда Элен обозрела фургон пристальным взглядом историка. Она обожала старинные предметы и проводила много времени на распродажах в исторических поместьях и на блошином рынке. Больше всего ее привлекали мелкие личные вещи: старые дагеротипные фотографии, письма с выцветшими чернилами. Нат не понимал ее одержимости этими вещами или причины для их покупки.

– Ты ведь не знаешь этих людей, – говорил он.

– Нет, – отвечала она. – Но теперь я немного знакома с ними, да? Теперь у меня есть кусочек их истории.

Она чувствовала притягательность этих вещей и верила, что пока она хранит их и время от времени смотрит на них, то люди, запечатленные на бумаге или на фотографиях, не будут полностью забыты и не растворятся во времени.

– Ничего. Здесь только хлам, – сказала Элен, разочарованная тем, что они не нашли старинные банки для джема, молочное стекло или хотя бы один предмет мебели ручной работы, который стоило бы сохранить.

Наиболее странно выглядел стол: он был накрыт на двоих, тарелки были заляпаны засохшими остатками еды и мышиными фекалиями, в центре стояла запечатанная бутылка вина и два запыленных бокала.

– Полагаю, мистер Декро был неважным хозяином, – сказал Нат.

Они отправили все на свалку, кроме бутылки вина, которую поставили на полку. Элен гадала, что могло прервать последний ужин и что помешало хозяевам открыть вино.

Нат и Элен не стали вкладывать много энергии или денег в обустройство фургона; им придется жить здесь только до окончания строительства. Потом они увезут фургон или превратят его в курятник. Элен нравилась эта идея, и она уже представляла куриц, сидящих на металлических шкафчиках, где она сейчас рылась в поисках кофе.

Она вставила фильтр в проволочную сетку, отмерила молотый кофе и наполнила стеклянный графин, глядя в окошко над раковиной. Было чудом, что в фургоне имелась проточная вода, выкачиваемая из колодца на участке, – из того самого колодца, который будет обеспечивать водоснабжение их будущего дома. Нат попробовал воду и счел ее вполне безопасной.

Было еще темно, но птицы уже завели свой предутренний хор. Он был гораздо громче, чем в Коннектикуте. Элен слушала птичьи трели через открытые окна, усаживаясь за столом и раскрывая свой ноутбук, чтобы проверить почту. Наверное, пора приступить к исследованиям и посмотреть, можно ли что-то найти в Сети о призраке из Брекенриджского болота – некую путеводную нить к истории этого места. Элен собиралась приступить к поискам еще в Коннектикуте, но тогда она была слишком занята планировкой дома и завершением своей работы в школе. В любом случае лучше начинать здесь, где она может посещать местную библиотеку, просматривать записи в мэрии и беседовать с местными жителями, которые больше расскажут ей об истории края, чем любая поисковая система.

Элен слушала птиц в ожидании загрузки компьютера и думала о том, что их песни звучат неестественно громко, почти тревожно. Потом снаружи раздался другой звук – не болезненный ночной вопль, а нечто более тихое.

Хруст ветвей. Звук шагов.

Определенно, это были человеческие шаги, прямо перед фургоном.

Элен встала, метнулась в спальню, схватила Ната за ногу и сильно потянула.

– Нат, – прошипела она. – Вставай!

– С-скоко времени? – пробормотал он. – Опять сова?

– Кто-то снаружи. – Элен потянула сильнее.

– Животное, – сказал он. – Лиса. Пекан-рыболов.

– Черта с два. Оно ходит на двух ногах. Давай же!

Она сбросила одеяло. Нат спустил ноги с кровати и потянулся за очками.

– Возьми фонарик, – сказала Элен.

Нат всегда держал фонарик рядом с кроватью, даже в городской квартире. Он считал, что нужно быть готовым ко всему. Сейчас он потянулся к соседней полке и взял большой, мощный фонарь-прожектор, который купил в хозяйственном магазине перед поездкой в Вермонт.

Нат прошаркал по коридору в трусах и футболке. В круглых очках он выглядел как повзрослевший Гарри Поттер, только без шрама.

– Скорее! – Элен взяла на кухне самый большой нож, который смогла найти.

Нат вопросительно посмотрел на нее:

– Что ты собираешься делать с этим ножом?

– Мы не знаем, что там снаружи, – ответила Элен.

Нат покачал головой.

– Будь осторожна, ты можешь порезаться, – сказал он и открыл дверь. Он стоял в дверном проеме, проводя лучом фонаря по двору, пока Элен выглядывала у него из-за плеча. Во дворе было пусто. Бетонная плита находилась на месте и напоминала посадочную площадку для космического челнока.

«*Или дверь*, – подумала Элен. – *Огромную дверь*».

– Там ничего нет, – сказал Нат и смерил ее взглядом, означавшим: «*И ради этого ты вытащила меня из постели*?»

– Но было же. – Она протолкнулась мимо и спустилась по шаткому деревянному крыльцу. По пути она что-то зацепила ногой, и предмет откатился в сторону.

– Посвети-ка сюда, – попросила она, глядя на ступени.

Луч фонаря качнулся вниз. Возле крыльца что-то лежало. Небольшой сверток из ткани.

– Что за чертовщина? – Элен нагнулась и подняла сверток.

– Похоже на кошачью игрушку, – сказал Нат.

– Это не кошачья игрушка, – сказала Элен, когда подняла сверток. Это был кусок белого холста с остатками чего-то вроде вышивки или кружева по краям. Наверное, когда-то это был дамский носовой платок, но теперь он был грязным и скомканным, а четыре уголка соединены и завязаны ленточкой с бантиком, словно подарок. Внутри находилось что-то твердое.

У нее забурчало в животе.

– Почему бы не занести это внутрь и не посмотреть? – предложил Нат.

– Не собираюсь, – ответила Элен. – Этому не место в доме.

Она потянула за ленту, собираясь развернуть ткань, но действительно ли она хотела знать, что находится внутри?

Нет. Элен не хотела.

Что бы это ни было, оно было ужасным. Элен знала это. Она чувствовала это: опасность просачивалась в ее пальцы, словно медленный яд.

– Хочешь, я открою? – спросил Нат.

– Нет, – ответила Элен. – Я сама.

Она полагала, что сверток был оставлен для нее. Именно для нее, потому что только она слышала крик.

Она сделала глубокий вдох и напомнила себе, что стала другой женщиной. Той Элен, которая собирается жить в Вермонте и построить собственный дом, научиться убивать своих кур, обращаться с топором, выращивать свои продукты. Той Элен, которая обладает внутренней силой первопроходцев. Храброй Элен. Она может это сделать.

Она потянула за концы ленточки и аккуратно раздвинула складки, чтобы увидеть, куда светит фонарь Ната.

– Что за дьявольщина? – ахнула Элен. Она не уронила сверток, а отшвырнула его как можно дальше от себя.

Но это лишь почудилось ей. Внутри оказалось немного сухой травы и два предмета: ржавый квадратный гвоздь и желтовато-белый зуб.

Нат наклонился, рассматривая зуб.

– Резец, – заключил он. – Парнокопытное животное.

– Что?

– Овца или олень, точно не знаю.

– А зачем было заворачивать это и подбрасывать нам на крыльцо? – требовательно спросила Элен.

Нат немного подумал, поскреб жесткую щетину на подбородке и покачал головой.

– Не знаю, – признался он и взял гвоздь. – Очень старая работа. Похоже, ручной ковки.

– Опять-таки: какого дьявола было подбрасывать нам эти штуки?

– Может быть, все это уже валялось здесь, – предположил Нат. – А когда мы разбирали фургон, то уронили и не заметили.

Элен покачала головой:

– Мы все подмели и помыли. Мы бы это заметили.

– А может быть, это подарок, – сказал Нат.

– От кого? Кто мог бы оставить нам такую дрянь? – Элен повысила голос, встревоженная, но не на грани истерики. Она дивилась тому, что Нат может быть таким спокойным, как будто кто-то оставил поздравительную корзинку с рогаликами у них на крыльце.

Нат снова поскреб свою щетину.

– Кто-то пытается напугать нас? – Он посмотрел на Элен, увидел растущую панику на ее лице и тесно прижал жену к себе.

– Что же, им это чертовски хорошо удалось, – пробормотала Элен, глядя из-за его плеча на линию деревьев, уверенная в том, что сейчас кто-то смотрит на них со злобной улыбочкой на лице.

Глава 4
Олив

19 мая 2015 года

Олив пританцовывала на кухне, пока готовила завтрак. Отец еще не спустился, но ему нужно было выезжать уже через полчаса, и она знала, что он может показаться в любую минуту. Как он удивится, когда увидит особенный завтрак, который она ему приготовила!

«Деловитый бобренок, – говорила мама, когда смотрела, как Олив упорно трудится над чем-то. – *Ты мой деловитый бобренок»*.

Олив улыбнулась. Она была *трудолюбивой* девочкой. Это слово пополнило ее словарный запас несколько лет назад, когда она начала регулярно выполнять домашние задания.

Трудолюбивая.

Старый металлический кофейник с ситечком закипал на плите. Они пользовались и электрической кофеваркой, но маме больше нравился старомодный эмалированный бело-голубой кофейник, который они брали в походы, поэтому кофеварка была выставлена на дворовую распродажу. Мама любила проводить такие распродажи или участвовать в них. Каждую весну она убиралась в доме, выносила множество разных вещей на подъездную дорожку и расставляла их на шатких раскладных столиках: одежду, книги, кухонную утварь, старые игрушки и забавные мелочи. Олив была уверена, что этот хлам никому не нужен, но люди приходили и покупали. Летом мама наполняла дом сокровищами, выбранными на других дворовых распродажах. Иногда Олив казалось, что ее мать выкупает вещи, которые она продала раньше, и циклы странного круговорота вещей в их доме повторялись из года в год. У Олив был бумеранг, подаренный отцом на день рождения. Она пришла к убеждению, что некоторые вещи похожи на этот бумеранг: они исчезали, а потом каким-то образом находили обратный путь на прежнее место. Некоторые вещи не хотели уходить навсегда.

Звук закипающего кофейника по мере того, как кухня наполнялась приятным кофейным ароматом, напоминал ей о маме.

Олив после ухода мамы завела привычку пить кофе; как и ее мать, она предпочитала сладкий кофе с молоком. В первый раз она не стала класть молоко и сахар, и от горечи у нее начались спазмы в желудке. Она выпила большую кружку, и ее сердце разогналось до космической скорости. Но Олив научилась добавлять много молока и вскоре обнаружила, что ее организм требует утренней встряски от выпитого кофе. Она привыкла к утреннему ритуалу, как и ко множеству других вещей: готовить, мыть посуду, кормить отца завтраком и провожать его на работу. А теперь еще и ремонт. Бесконечная штукатурка, реконструкция стен. Они с отцом меняли все вокруг лишь ради того, чтобы через месяц вернуться к прежнему порядку вещей.

Это был сизифов труд, иначе не скажешь. Олив узнала это словосочетание в школе. Английский был единственным уроком, где она находилась рядом с Майком, и ей очень понравился раздел о древнегреческой мифологии, хотя она уже знала все эти предания. Большинство историй были тревожными и грустными, особенно о Сизифе – этом бедняге, катившем валун вверх по склону горы лишь ради того, чтобы камень скатился обратно. Мистер Дженкинс, новый учитель английского, называл это *тщетными усилиями*.

Олив налила кофе в любимую мамину кружку красного цвета, обколотую с одной стороны и больше похожую на миску.

– Когда мы пойдем во французское кафе, ты увидишь, что там все пьют из таких кружек, – однажды сказала мама.

– А ты бывала во Франции? – спросила Олив.

– Нет, – ответила она. – Но мы первым делом отправимся туда после того, как найдем сокровище. Мы увидим мир! И будем пить кофе латте во французском кафе.

Олив проверила духовку, где выпекались булочки с корицей из магазинных полуфабрикатов. Она купила их в универмаге; ее отец редко посещал бакалейный магазин. Рили приносила сумки с продуктами, когда приезжала к ним, но отец только бесился и говорил, что она должна перестать это делать, потому что это похоже на милостыню. Время от времени Олив просила у него немного денег, чтобы она могла купить необходимые продукты в универмаге Фергюсона: кофе, молоко, готовые завтраки, хлеб, консервированные супы. Ничего особенного. Булочки с корицей были своеобразной роскошью, но Олив пребывала в праздничном настроении.

– Доброе утро, Олив, – поздоровался отец, войдя на кухню. – Ты видела новости?

– Нет, – сказала Олив.

Отец надул щеки и с шумом выпустил воздух.

– Ужасное происшествие, – тихо сказал он. – Вчера ночью перевернулся автобус на шоссе номер четыре. Там были ученики выпускного класса, которые возвращались из поездки в Бостон. Трое погибли, многие получили травмы. Там могли находиться твои знакомые. – Отец посмотрел на нее, ожидая ее реакции.

Олив кивнула. На самом деле у нее не было знакомых из выпускного класса. Конечно, она видела их на переменах, и некоторые из них как будто узнавали ее (или, по крайней мере, ее грустную историю) и хихикали или перешептывались, проходя мимо.

– Автобус врезался в другую машину?

– Нет, он съехал с дороги. Говорят, водитель резко вывернул руль, пытаясь объехать что-то на дороге. Может быть, животное.

Олив снова кивнула, не зная, что еще сказать. Отец огляделся по сторонам и подошел к столу.

– Кофе готов, – сообщила Олив.

– Пахнет здорово. – Отец улыбнулся.

– Я готовлю булочки с корицей, – продолжала она.

– Вот как, а? – Он взял кофейник и налил себе чашку. – По какому случаю?

– Просто подумала, что мы заслужили угощение, – сказала она.

Отец улыбнулся и взъерошил ей волосы.

– Ты права, детка. Мы заслужили лакомый кусочек.

Сработал таймер; Олив достала из духовки поддон с булочками и поставила остывать на плиту.

– У тебя есть планы после школы? – спросил отец.

Странный вопрос. Когда это у нее были планы после школы? Олив не занималась спортом, не состояла в драмкружке или в других группах по интересам. Иногда после уроков подруга приглашала ее к себе домой, но после ухода мамы Олив неизменно отказывалась под разными предлогами. Так было проще. Если ты пару раз зайдешь в гости к подруге, она будет ожидать, что ты пригласишь ее к себе. Олив не хотела, чтобы другие люди знали о постоянном ремонте, видели разобранные стены, открытые водопроводные трубы и электропроводку, черновой пол и пыль от штукатурки, которая лежала везде. Буквально доказательство того, что после маминого ухода все начало разваливаться на части.

Олив даже находила предлоги, чтобы удерживать на расстоянии Майка. Раньше он регулярно приходил к ней. Ее мама любила Майка и была очарована его энциклопедическими познаниями в области необычных и случайных фактов. Он мог рассказать ей о жизненном цикле какого-нибудь американского паразита, а мама задавала всевозможные вопросы, говорила, какой он умный и начитанный, и кормила его свежеиспеченным овсяным печеньем, кото-

рое он особенно любил. Отец Олив не знал, как относиться к Майку, который не охотился и не занимался спортом, поэтому они держались неловко и отчужденно, и теперь Олив думала, что лучше избегать таких сцен. А еще она не хотела, чтобы Майк увидел, в каком плачевном состоянии находится дом. Майк расколется и все расскажет своей матери, а та может обратиться в департамент по семейным делам или в другое подобное место.

Но они с Майком держались вместе в школе и в лесу. По правде говоря, сейчас Майк был ее лучшим другом, а Олив была его единственным другом.

Начиная с пятого класса другие ученики называли ее Странным Оливером, даже старшие, которых она не знала. Она думала, что в старших классах кличка исчезнет сама собой, но этого не произошло. Стало только хуже. Средняя школа была большим и странным миром, где не действовали обычные правила. Когда она проходила по коридорам, то вспоминала другую историю, которую узнала на уроках английского: историю о лабиринте и Минотавре. Только в ее варианте истории Минотавры были повсюду, за каждым углом, и носили школьные куртки или пользовались дешевыми духами и косметикой. В этой школе учились дети из трех окрестных городков, поэтому там было много детей, которых Олив не видела раньше, и сначала она рассчитывала затеряться среди великого множества, но слухи о ее прозвище быстро распространились, как и история о том, что произошло с ее матерью.

– На кого ты охотишься, Странный Оливер? – поинтересовались одноклассники, когда она пришла в школу в камуфляжном костюме. «*Ну их к черту*», – думала она. Иногда она даже бормотала: «Отвали!», но тогда они ухмылялись и говорили: «Ты такая уродина! Неудивительно, что от тебя сбежала мать». Это было хуже всего. Иногда она находила в своем шкафчике вещи, которые не клала туда: губную помаду, тени для век и короткие записки, вроде: «Ты мальчик или девочка?» Иногда они были еще более жестокими: «Твоя мать – шлюха. Она раздвигала ноги для половины мужчин в городе».

Майк советовал ей не обращать внимания.

– Знаешь, я придумал одну игру, – сказал он однажды, когда она обнаружила особенно грубую записку, прикрепленную клейкой лентой к ее шкафчику. Майк притворился, что не видел написанного, просто снял записку и скомкал ее. – Я прихожу в школу и делаю вид, будто я не один из них. Будто я инопланетянин из другой галактики, который был послан сюда для наблюдения.

Олив кивнула.

– Видишь ли, существа с моей родной планеты скоро вернутся, чтобы забрать меня, а после этого они уничтожат Землю. Останется только большой огненный шар. – Он издал взрывной звук и помахал пальцами в воздухе. – Пуф!

Олив улыбнулась, но внутренне поморщилась. Ей не нравилась мысль о мире, погибающем в пламени, даже если при этом исчезнут девчонки, которые оставляют жестокие записки.

– Но дело в том, что я могу выбирать людей, которые улетят вместе со мной, – продолжал Майк, поблескивая глазами. – Все остальные распадутся на элементарные частицы. До сих пор я выбрал только тебя, – со смущенной улыбкой закончил он.

– Э-э… большое спасибо, наверное, – сказала она. Прозвенел второй звонок, и они побежали в класс.

* * *

– Я думаю, мы можем начать ремонт в твоей комнате, – сказал отец.

Олив заморгала.

– Что? – Она подумала, что ослышалась, так как затерялась в воспоминании о Майке и инопланетянах.

– Твоя комната, – повторил отец. – Я подумал, что мы можем начать ремонтировать ее. Не стоит откладывать, верно?

У Олив скрутило живот. Только не ее комнату. Для нее это было единственное безопасное место. Отец предложил расширить ее комнату еще две недели назад, когда за ужином присутствовала Рили. Олив сказала, что вполне довольна своей нынешней комнатой.

– Но разве ты не хочешь, чтобы она стала просторнее, с высоким потолком и встроенным шкафом? Разве так будет не лучше?

– Ради бога, Дастин, – сказала Рили. – Она сказала, что ее все устраивает. Ты не мог бы оставить в покое хотя бы одну комнату?

Тогда ее отец пошел на попятную, но после ухода Рили постоянно говорил о чудесных переменах, которые ожидают комнату Олив, хотя до сих пор не предлагал приступить к работе. Стены и потолок ее спальни оставались в прежнем виде. И внутри было чисто. Это было единственное место в доме, где вытирали пыль и наводили порядок. Единственное место, которое оставалось неизменным с тех пор, как ушла мама.

– Тебе не кажется, что сначала нужно закончить ремонт в гостиной? Побелить потолок, оштукатурить стены и даже покрасить их? – Олив старалась не показывать тревогу и подступавшее отчаяние.

«Только не мою комнату. Все, что угодно, только не это».

Ее отец выглядел разочарованным.

– Я просто хотел, чтобы у тебя была красивая комната. Мы бы сделали ее просторнее за счет гостевой спальни, и у тебя будет встроенный шкаф. Помнишь, о чем мы говорили раньше?

На самом деле говорил только он сам, рассказывая о том, как все будет прекрасно и совершенно, когда они снесут стену в одном месте или повесят полки на другой стене. Как будто истинное счастье можно было получить, махая кувалдой или штукатуря стены.

– У меня и так есть хороший шкаф, – сказала Олив. У нее было совсем немного одежды, не то что у ее одноклассниц, которые ежедневно носили новые наряды. Олив было вполне достаточно двух пар джинсов (местами залатанных), камуфляжных охотничьих штанов с массой карманов, новых футболок и камуфляжной куртки. Она имела две пары обуви: охотничьи ботинки и теннисные туфли.

– Но я думал… – растерянно начал отец и разочарованно умолк.

– Я правда считаю, что мы должны сосредоточиться на завершении уже начатых проектов, – сказала она, вполне понимая, как странно это выглядит со стороны: она говорит как взрослый человек, а он изображает из себя маленького ребенка с сумасбродными и непрактичными идеями. – Давай сегодня после уроков вместе поработаем в гостиной, ладно? Это будет первая комната, которую увидит мама, когда войдет в дом. Разве не стоит довести ее до совершенства?

Отец выглядел скорее усталым и постаревшим, чем расстроенным. Он сильно похудел после ухода мамы. Его кожа отливала нездоровой желтизной, под глазами обозначились темные круги. Соломенные волосы слишком отросли и нуждались в стрижке. Олив нужно больше заботиться о нем, следить за тем, чтобы он лучше питался и пораньше ложился в постель, а не засыпал на старом скрипучем диване перед телевизором в гостиной.

На короткий момент она задумалась, не стоит ли уступить его желанию и сказать, что они могут начать ремонт в ее комнате, – просто для того, чтобы он обрадовался и улыбнулся.

Она закусила губу в ожидании ответа.

– Хорошо, – наконец сказал отец. – Давай сначала закончим гостиную. Как думаешь, в какой цвет ее можно выкрасить?

Олив улыбнулась и тихо вздохнула. Она все обдумала, пока глазировала булочки с корицей.

– В голубой, – ответила она. – Это цвет неба и маминого любимого платья. Ты же знаешь, что я имею в виду?

Отец сосредоточенно нахмурился, по-стариковски наморщив лоб, как будто память о матери в этом платье была слишком тягостной для него. Он как будто съеживался на глазах.

– Да, я знаю это платье, – тихо и хрипло сказал отец. Он посмотрел на кофейную чашку и отхлебнул, хотя кофе был еще очень горячим. – По пути домой я возьму образцы краски, и мы решим, какой лучше подходит.

– Вот и хорошо, – сказала Олив. Она положила булочку с корицей на тарелку и подала отцу.

– Спасибо. – Он откусил большой кусок и направился из кухни, чтобы собраться на работу. – М-мм! Ты становишься отличной поварихой.

Олив захотелось сказать: «*Это полуфабрикаты, папа. Ученая обезьяна тоже могла приготовить их*». Вместо этого она сказала: «Отлично, буду стараться» – и глотнула кофе из своей огромной кружки.

* * *

Она услышала работающий душ и тревожный бухающий звук в водопроводных трубах. Олив была уверена, что они неправильно смонтировали часть водопроводной системы, когда устроили ремонт в ванной. Иногда буханье в трубах сменялось низким гудением, как будто в стене завывал какой-то монстр, пытавшийся выбраться наружу. Олив не сомневалась, что им придется снова разобрать стену и заменить трубы. Тогда, наверное, отец решит передвинуть душ к другой стене, и все начнется по новой.

Через двадцать минут, когда она заворачивала остатки булочек, отец спустился из ванной, благоухая ментоловым кремом после бритья и мылом «Ирландская весна». Он наполнил свой дорожный термос, а Олив вручила ему пакет для ланча, куда положила бутерброд с ветчиной, яблоко и две булочки с корицей.

– Я пошел, – сказал отец и взял ключи от автомобиля. – Тебя подбросить? Сегодня утром я собираюсь на Каунти-роуд – там перекладывают дренажную трубу, – но могу высадить тебя по пути.

Каунти-роуд находилась на другой стороне городка, противоположной от школы. Олив улыбнулась такому любезному предложению.

– Спасибо, я сяду на автобус.

– Лучше поспеши, если не хочешь пропустить его, – предупредил отец.

– Я выхожу через пять минут, – сказала она.

– Вот и молодец. – Отец, не оглядываясь, направился к входной двери. Олив услышала, как завелся его старенький «шевроле» – сначала неуверенно, на холостых оборотах, а потом с бодрым рычанием.

Олив села за стол и взяла еще одну булочку с корицей. Она не собиралась ловить автобус. «Странный Оливер» сегодня вообще не собирался в школу.

У нее были другие планы.

Глава 5
Элен

19 мая 2015 года

Нат сидел с раскрытым ноутбуком, снова и снова воспроизводя ужасные звуки. Крики рыжей лисы. Крики пекана-рыболова. Оба звучали жестоко и мучительно, даже чудовищно. Элен вздрагивала каждый раз, когда он нажимал кнопку проигрывателя. Нат наклонил голову, внимательно вслушиваясь, словно пытался выучить чужой язык.

– Ты слышала один из этих звуков?

– Я не знаю. Не знаю, что я слышала, – сказала Элен и отпила большой глоток вина. – Пожалуйста, ты не мог бы прекратить это?

Она устала и хотела принять горячую ванну. Но у них был только крошечный душ, где едва можно было развернуться. Давление воды было таким низким, что головка душевого шланга плевалась водой, а не равномерно выливала ее наружу.

– Люди называют их кошками-рыболовами, но это вовсе не кошки, – объяснил Нат. – В сущности, они принадлежат к семейству куньих.

Он снова включил запись, и кухня наполнилась жуткими воплями.

– Пожалуйста, Нат, – взмолилась Элен. – Выключи эту дрянь!

Утром они сложили брусья и доски под нейлоновым навесом, установили второй навес для работы и обустроили место для хранения инструментов. Мужчина, который привез древесину, рассказал им о страшном инциденте, случившемся прошлой ночью в окрестностях городка: школьный автобус со старшеклассниками съехал с дороги и перевернулся. Трое погибших и двадцать раненых. Движение в одну сторону было перекрыто.

– Моя кузина ехала в этом автобусе, – сообщил мужчина с лесопилки. – С ней все в порядке, но она и другие говорят, что водитель резко свернул, чтобы не наехать на женщину посреди дороги.

– Бог ты мой, – сказал Нат. – Она попала под автобус?

– Когда приехали пожарные, они не нашли никакой женщины. Только помятый автобус и группу истеричных раненых детей. – Мужчина посмотрел на деревья, потом – на тропу, ведущую к болоту.

– Ужасно, – сказала Элен.

– Может быть, это ты и слышала вчера ночью? – предположил Нат. – Визг покрышек и автомобильные сирены?

Элен покачала головой. Эти звуки были ей хорошо знакомы; поскольку квартира находилась недалеко от автострады, она часто слышала их в Коннектикуте.

– Сомневаюсь, что здесь можно было что-то услышать, – сказал мужчина с лесопилки.

– Звук иногда распространяется странным образом, – сказал Нат, обращаясь больше к себе, нежели к собеседнику, словно пытался убедить себя в чем-то.

После складирования пиломатериалов они с Натом начали возводить каркас одной из стен.

Сначала работа шла хорошо. Они достали блестящие новенькие инструменты и поочередно занимались замерами и обрезкой. Они быстро приладились друг к другу и сделали большой шаг вперед. Было приятно снова вернуться к плотницкой работе; это наводило на мысли о работе с отцом и о том, какой довольной она себя чувствовала в конце рабочего дня. В работе

с инструментами было нечто медитативное: нужно было очистить разум от всего остального и сосредоточиться на том, что делаешь в данный момент. Элен ощущала необычное спокойствие.

Но потом все пошло вкривь и вкось.

Элен начала думать о ночном крике и о свертке с зубом и ржавым гвоздем. Это нарушило ее сосредоточенность.

Гвозди гнулись, а доски подпрыгивали. В реальной жизни все шло не так гладко, как на бумаге. Элен разнервничалась из-за отрезной дисковой пилы, с помощью которой они ровняли края каркасных балок. Каждый раз, когда она видела, как полотно пилы врезается в дерево, она вспоминала о ночном крике.

Они даже поссорились, когда Элен стала делать лишком короткие отрезы.

– Кажется, ты сказал девяносто и пять восьмых дюйма, – сказала она.

– Да, – сказал Нат, снова сверившись с планом. – Это высота всех вертикальных брусьев.

– Ну вот, я отмерила и отрезала. – Она пользовалась измерительной лентой и металлической кромкой и плотницким карандашом проводила аккуратную линию. – Точно так же, как и все предыдущие.

– Наверное, ты неправильно отмерила, – предположил Нат.

– Думаешь, я не умею пользоваться измерительной лентой? – рявкнула Элен.

– Нет, милая, я просто…

– Тогда отрезай сам, – сказала она, хотя и не собиралась этого говорить. Это было не похоже на нее. Она находилась на грани и была слишком ершистой. Все из-за бессонницы и жутких криков. Из-за гвоздя и зуба, которые Нат стал называть «нашим странным подарком».

– Эй! – Нат подошел ближе и помассировал ее плечи. – Давай скажем, что на сегодня достаточно. Мы можем немного прогуляться. Потом я съезжу в городок и привезу пиццу и бутылку вина. Что скажешь?

Она согласилась, извинившись за стервозное поведение. Потом они отложили инструменты и отправились на болото. Это была пятиминутная прогулка через лес по пологому склону. Воздух был свежим и сладостным, тропа устлана плотным слоем сосновых иголок. Это и впрямь было замечательно. По пути Элен обратила внимание на нежные овальные цветы розового оттенка в форме колокольчиков.

– Что это?

– Венерины башмачки, – сказал Нат. – Они принадлежат к семейству орхидей. Но, должен сказать, когда я гляжу на них, то думаю не о дамских туфлях.

Элен с улыбкой наклонилась над цветком. Он выглядел возмутительно сексуальным.

– Я провел некоторые исследования, и выходит так, что наше Брекенриджское болото не является настоящим болотом, – сказал Нат. – Это топь: заболоченная сырая местность, питаемая подземными ключами.

– Топь, – эхом откликнулась Элен.

– Да. Большинство болот имеют дождевую подпитку. Там очень мало кислорода. С другой стороны, в топях существуют ручьи и подземные воды, которые дают больше кислорода, больше питательных веществ.

Они подошли к краю болота, окруженного кедрами, соснами и березами. Земля была похожа на толстый ковер губчатого мха, плавающего в воде. Там были заросли осоки, низких кустов и густой травы, путавшейся под ногами. Элен и Нат быстро промочили ноги; это было все равно что ходить по огромной губке.

Все вокруг этого места было новым, восхитительным и полным скрытого волшебства.

– Это как другая планета, – прошептала Элен, прислонившись к Нату, который обнял ее сзади.

Он показал ей насекомоядные растения с красными цветочными сердечками и нижними листьями в форме кувшинчиков.

– Они плотоядные, – сказал он. – Насекомые падают в кувшинчики и тонут там, а потом растения переваривают их.

– Почему они не могут выбраться наружу?

– Они попадают в ловушку. Бортики липкие и зубчатые снаружи. Когда увязаешь внутри, нелегко выбраться оттуда.

Элен поежилась.

В центре болота находился глубокий пруд с темной водой. На поверхности плавали кувшинки, вокруг летали стрекозы.

– Интересно, насколько он глубокий, – задумчиво сказала Элен.

– Он может быть очень глубоким, если питается от источника, – чувствуешь, какая холодная здесь вода?

Они дошли до другой стороны болота и обнаружили кучи плитняка на твердой земле у края.

– Наверное, старинная стена, – предположил Нат.

Элен прошлась вокруг и осмотрелась.

– Нет. Посмотри, вот четыре стороны. – Она отступила назад для перспективы. – Это старый фундамент. Когда-то здесь был дом, Нат! Небольшой дом. – Она вернулась к фундаменту и испытала слабую дрожь, когда встала там, где должна была находиться парадная дверь.

– Странное место для дома, так близко от болота. – Нат нахмурился, как обычно бывало, когда что-то смущало его и не укладывалось в рациональном уме.

Элен наклонилась, подняла камень и задумалась о том, кто положил его давным-давно и что с ним случилось. Камень казался почти живым, наполненным историческими возможностями. Оставалось гадать, что еще она могла найти с помощью небольших раскопок – стекло, керамику, кусочки металла, следы людей, которые когда-то жили здесь.

– Готова поспорить, что существуют архивные записи, которые помогут узнать, кто и когда жил здесь, – взволнованно сказала она. Возможно, это имеет какое-то отношение к призраку, о котором упоминал риелтор в день продажи. Это зрелище укрепило ее решимость заняться историей края, – той историей, которая теперь имела непосредственное отношение к владельцам и хранителям земли. – На этой неделе я покопаюсь в архиве и библиотеке; посмотрим, что мы сможем выяснить.

– Звучит неплохо, – пробормотал Нат. Он сидел на корточках у одного из насекомоядных растений и заглядывал в его зев.

Элен мягко положила камень на землю и повернула голову, заметив намек на движение.

– Ты это видел? – спросила она.

– Что? – Нат поднял голову.

Элен указала на противоположный край болота.

– Вон та громадная птица.

Нат проследил за указующим перстом и расплылся в улыбке.

– Вот это да! Большая голубая цапля!

Это была высокая и длинноногая птица с гибкой шеей, но вовсе не голубая, а светло-коричневая.

Цапля повернулась и уставилась на них желтыми глазами.

«Чужаки, – говорил ее взгляд. – *Что вы здесь делаете*?»

– Она смотрит на нас, – сказала Элен.

– Как ты узнала, что это самка? – спросил Нат.

– Просто знаю, и все, – ответила она.

Нат достал свой телефон и начал фотографировать.

– Как жалко, что я не взял фотоаппарат! – сказал он. – Когда мы вернемся, я найду его. У большинства птиц существует разница в расцветке между самцами и самками.

Птица устала от наблюдения и улетела, хлопая огромными крыльями и подогнув длинные ноги к туловищу. Элен и Нат уже собрались уходить, и тут Элен что-то заметила.

– Что это? – спросил Нат, когда она наклонилась к земле.

– Маленький красный шнурок, – сказала она. Шнурок был обвязан вокруг кустика.

– Может, он прилетел сюда и просто застрял? – предположил Нат.

– Нет, – отозвалась Элен. – Шнурок был завязан аккуратным бантом. – Кто-то завязал его здесь.

Она развязала ярко-красный нейлоновый шнурок и сунула его в карман. Когда они возвращались по тропинке, она нашла еще несколько шнурков, обернутых вокруг деревьев, кустиков и молодых побегов. Свободные концы трепетали на ветру, как предупредительные знаки.

– Наверное, это старая топографическая съемка, – сказал Нат.

– Наверное, – согласилась Элен, уже понимавшая, что это не так. Слишком случайное расположение. И зачем пользоваться шнурками вместо пластиковой ленты? Теперь она повсюду видела эти маркеры: некоторые – старые и потрепанные, другие – новые и яркие.

Когда они вернулись, Нат первым делом достал свое полевое руководство по птицам восточных штатов.

– Выходит так, что почти невозможно отличить самца от самки, – заметил он. Он раскрыл свой новый дневник для наблюдений за природой и сделал быстрый эскиз цапли с подробностями о ее наблюдении. Элен подарила ему красивую книжку для записей в кожаной обложке, когда они собирались в Вермонт.

– Это будет твой полевой дневник, – сказала она. – Для того чтобы ты мог вести записи о дикой природе вокруг нашего дома.

Нат пришел в восторг, и это была его первая официальная запись.

Он стал зачитывать ей факты из полевого справочника: среда обитания, спаривание и выведение птенцов.

– Хотя они охотятся в одиночку, но образуют колонии, – сказал он. Потом остановился и сделал несколько пометок в своем дневнике. – Самка откладывает от двух до семи яиц.

Элен слушала его вполуха. Она смотрела на открытый сверток, оставленный Натом на кухонном столе: маленькое птичье гнездо с гвоздем и зубом. Она не хотела, чтобы это попало в дом. Она считала, что лучше унести это и зарыть в глубине леса. Может быть, утопить в болоте. Потом у нее возникла безумная идея, что это будет нечто вроде семени, и если закопать его или бросить в болото, то оно вырастет, наберется сил и сотворит что-то ужасное.

– А ты знала, что, несмотря на размеры, цапля весит не более пяти фунтов? – спросил Нат, не отрываясь от своей книги. – Невероятно, правда? И все это из-за полых костей. У всех птиц такие кости.

Элен перевела дыхание. У нее разболелась голова. Ее собственные кости казались тяжелыми и плотными, как бетон.

– Кажется, ты собирался за вином и пиццей?

– Да, конечно. – Нат закрыл книгу и направился в спальню, чтобы переодеться и захватить свой бумажник.

– Эй, милая, – окликнул он изнутри. – Ты брала у меня наличные?

– Нет.

Нат покачал головой:

– Как странно. Здесь на сорок долларов меньше, чем я ожидал.

– Ты вчера хорошо потратился, – сказала Элен. – За завтраком, а потом в магазине. Да, и еще ты покупал пиво, помнишь?

– Верно, – отозвался он. – Пожалуй, я потратил больше, чем думал. Или меня обсчитали в магазине. – Он снова озадаченно пересчитал деньги и объявил об отъезде. – Я скоро вернусь, – пообещал он.

Когда Нат вернулся с пиццей и двумя бутылками вина, Элен приняла самый неприятный на свете душ с тепловатой водой и переоделась в тренировочные брюки и одну из футболок Ната.

– Это с виноградников Вермонта, – гордо заявил он, показывая бутылку «Маркетт».

Вот часть их новой жизни: покупай местное. Ешь и пей местные продукты. Но, по правде говоря, Элен было наплевать, даже если проклятое вино делали из скунсовой капусты на болоте: ей просто хотелось выпить.

Кроме того, Нат приобрел местную газету. История об аварии занимала всю первую полосу. Элен посмотрела на фотографии недавно погибших улыбающихся школьников и перелистнула страницу. Это было слишком тяжело. Элен старалась не воспринимать это как зловещее предзнаменование для их новой жизни.

Она вздохнула и отложила газету.

«Нам суждено жить здесь, – напомнила себе Элен. – Мы осуществляем нашу мечту».

– Сегодня ночью будет бдение по погибшим, – сказал Нат. – Может быть, нам стоит присоединиться?

Элен покачала головой:

– Нет, я этого не вынесу. И это будет более чем странно, ведь мы только что появились здесь. Мы еще не вписались в общество. Я… как будто подглядываю за ними, понимаешь?

Нат кивнул:

– Я понимаю, что ты имеешь в виду.

Когда они покончили с пиццей (которая оказалась сытной, но невкусной, со слишком сладким соусом и консервированными грибами) и с первой бутылкой вина, Нат достал свой ноутбук и снова стал слушать крики животных. Впрочем, он скоро прекратил это занятие и милосердно выключил компьютер.

Элен изо всех сил старалась не раздражаться на мужа, заставляла себя думать обо всех его хороших качествах и напоминала себе, как сильно она любит его. Она просто устала и была немного подавлена. Не стоило вымещать это на бедном Нате.

Она вспоминала об их знакомстве, когда оба были молодыми учителями в академии Палмера. Это произошло на факультативном собрании в первую неделю занятий. Нат носил галстук с периодической таблицей Менделеева. Там была еще одна женщина, учительница английского Стелла Флеминг, которая все время подначивала Ната и говорила, что хочет написать стихотворение о нем и о его галстуке. Когда Элен впервые увидела Ната, то удивилась тому, что молодой учитель с забавным галстуком так странно смотрит на нее. Потом она улыбнулась и осознала, что это был умоляющий взгляд из разряда «спаси меня и вытащи отсюда». В конце концов она подошла к нему, прикоснулась к его руке и спросила: «Вы учитель естествознания, верно?» Нат энергично кивнул.

– Я надеялась, что вы мне поможете. Кажется, в это время года на небе можно увидеть Плеяды, но я не знаю, куда смотреть.

Он улыбнулся:

– Ах да, Семь Сестер. Буду рад показать их вам. Прошу прощения, Стелла.

– Спасибо, – прошептал Нат, как только они оказались за пределами слышимости.

Они пошли на заднюю лужайку рядом с теннисными кортами, и Нат показал Элен звезды.

– Вон там, – сказал он, взяв ее руку и указывая пальцем. – Плеяды были дочерями Атласа и морской нимфы Плейоны, – пояснил Нат. – Зевс превратил их в голубей, а потом – в звезды.

– Очень мило, – сказала она.

– Ваше платье похоже на звездный свет, – сказал он тогда. Она опустила глаза и увидела, как бледная ткань мерцает в свете фонарей вокруг теннисного корта.

– Как думаете, Стелла пойдет сюда искать вас? – спросила Элен.

Нат рассмеялся:

– Бедная Стелла. Может быть. Думаю, она слишком много выпила.

– Я слышала, она хотела посвятить вам стихотворение, – сказала Элен.

Он снова рассмеялся:

– Ну да, вино делает с людьми странные вещи.

– Значит, вы не любите поэзию?

– Отчего же, я большой поклонник поэзии. Время от времени сам что-то пописываю.

Теперь рассмеялась Элен:

– В самом деле?

Он кивнул и обратился к ней с неуклюжим подражанием бедной Стелле:

– Будьте осторожны, не то вы попадете в мое следующее стихотворение вместе с платьем, сотканным из звездного света.

Элен снова рассмеялась, но на следующий день обнаружила в своем почтовом ящике напечатанное стихотворение «Элен в звездном платье говорит с Историей». Оно оказалось не таким уж плохим, насколько Элен могла судить о поэзии. Она до сих пор хранила его и рассказывала подругам, что это стихотворение сразу же пленило ее и заставило осознать, что Нат был *тем самым мужчиной*.

– Сегодня мы много сделали, – сказал он сейчас.

– М-мм, да.

– Бетон застынет через несколько дней, но, думаю, мы сможем закончить каркас первого этажа и подготовить материалы под второй этаж, пока будем ждать. И начать обрезать половые доски.

– Мне хочется распланировать огород, – сказала Элен. – Тогда мы сможем купить саженцы на субботнем фермерском рынке.

– Ну да, разумеется, – ответил Нат. По их замыслу, в этом году нужно было завести небольшой огород: зелень, огурцы, помидоры, кое-какие пряные травы. В следующем году, когда строительство будет завершено, они устроят настоящий сад, посадят ягодные кустарники и несколько плодовых деревьев. Все это уже было на бумаге: грандиозные ежегодные планы.

– И я действительно хочу провести кое-какие исследования в городе. Побольше узнать об истории этого края и нашей земли.

– Это здорово, – сказал Нат.

Он убрал со стола грязные тарелки, коробку из-под пиццы и пустую бутылку, достал архитектурные планы и разложил их на скатерти. Было необычно сознавать, что теперь эти планы начинают обретать форму; дом, который они задумали и долго обсуждали, вырастал на глазах.

«Солонка» была довольно простым проектом. Элен нравился этот термин и история, стоявшая за ним. Такие дома были популярны в Новой Англии и получили название в честь коробочки с асимметричной крышкой, где люди держали соль. Классические линии, камин в центральной части, задняя часть дома одноэтажная, а фасад двухэтажный.

Элен мысленно вернулась к старинной «солонке», которую они осматривали в Нью-Гэмпшире в начале своих поисков. Тот дом затронул что-то глубоко внутри ее, и она сразу почувствовала, что находится на своем месте. Он стоял в деревне, неподалеку от исторического центра с конгрегационалистской церковью. Элен обнаружила, что она размышляет в сослагательном наклонении. Что, если бы сейчас они были там, а не здесь? Что, если бы ей удалось убедить Ната купить тот дом и не переезжать в эту глушь рядом с болотом?

Она посмотрела на планы, кропотливо вычерченные Натом: открытая кухня и гостиная, большая кладовая за кухней, дровяная плита в центре дома, туалет с сидячей ванной в глубине, граничивший с техническим помещением для топки и бойлера, там же должны были разместиться современная стиральная машина и сушилка с низким потреблением энергии. Наверху

будет спальня, ванная и библиотека с книжными полками от пола до потолка. Позднее, если будут время и деньги, они обустроят заднее крыльцо с застекленной верандой.

– Я взял все, что тебе понравилось в том доме в Нью-Гэмпшире, и сделал даже лучше, – сказал Нат с гордой улыбкой, когда представил свои первые эскизы.

Но больше всего Элен нравилась история того первого дома: запах выдержанного дерева, поскрипывающие половицы и двери кухонных шкафчиков, мелкие изъяны старинных окон с цельными стеклами.

Теперь она смотрела на надпись «Дом мечты», выведенную аккуратным почерком Ната, на тщательно вычерченные и масштабированные планы: вертикальные проекции, чертежи для каждой стены, крыши и лестницы, подробные иллюстрации с изображением каркасов и настилов пола и потолка. Там были списки материалов с расчетами того, сколько погонных футов досок и брусьев им понадобится, количество утеплителя и кровельной плитки. На бумаге все выглядело чисто и аккуратно: его план для достижения ее счастья был выстроен ровными колонками.

Тогда, в Коннектикуте, Нату удалось убедить Элен, что они смогут это сделать. Он читал книги, просматривал видеофильмы, ходил на курсы.

– А ты выросла в семье строителя, – напоминал он. – Это живет в твоих генах.

Но ничто из этого не подготовило Элен к нервной дрожи от знакомого вида мощной электрической пилы. Или к тому, как Нат смотрел на нее, когда она ошибалась с отрезами. Как будто она была настоящей идиоткой.

– Со временем будет проще, – сказал он сейчас, накрыв ладонью ее руку и легко сжав ее. – Конечно, не обойдется без проблем, но нам нужно только следовать плану и держаться вместе. Мы можем это сделать.

Следовать плану, подумала Элен и с улыбкой отпила еще вина.

Она думала о тех случаях, когда они с отцом брались за работу, которая шла не так, как было запланировано: задержки из-за погоды, плохие пиломатериалы, поздняя доставка и углы, которые не стыковались друг с другом, как бы превосходно они ни выглядели на бумаге. Ее беспокоило, что Нат как будто живет в таком мире, где не бывает непредсказуемых событий.

Она невольно покосилась на маленький сверток с зубом и гвоздем, который теперь лежал на кухонной столешнице рядом с раковиной и грязными тарелками.

Нат сложил планы их будущего идеального дома.

– Завтра все будет лучше, – сказала она.

«Скажи это и сделай это реальностью».

Глава 6
Олив

19 мая 2015 года

Автомобиль отца стоял на подъездной дорожке. Он вернулся домой гораздо раньше обычного.

Может быть, ему позвонили из школы и сообщили, что Олив снова прогуливает уроки? И теперь он вернулся искать ее?

Олив ощутила подступающую панику, которая только усиливалась по мере приближения к дому.

Она провела день на северо-западной стороне болота с металлоискателем в руках. Металлоискатель явно испортился: иногда он начинал бибикать там, где ничего не было, а иногда не подавал признаков жизни. Это было паршиво, но она купила прибор за тридцать долларов на церковной распродаже в прошлом году, так чего можно было ожидать? Она копила деньги на новую модель, в сто раз более мощную и чувствительную, к которой даже прилагались наушники. Олив была уверена, что с таким чудесным инструментом она быстро найдет сокровище. Она экономила по четыре доллара на школьных завтраках и бралась за любую мелкую работу, какую могла найти.

Во время сегодняшних поисков она время от времени делала перерывы и поднималась по тропинке посмотреть на Элен и Ната (теперь она знала их имена, потому что слышала их разговоры; более того, у нее возникло ощущение личного знакомства с ними). Она наблюдала за ними из-под замшелых корней упавшего дерева, которое было превосходным укрытием. Они начали воздвигать каркас стены, но что-то пошло не так, и дело едва не закончилось ссорой. Олив почти пожалела их. Впрочем, они быстро помирились (это было после того, как Элен отрезала слишком короткий брус) и отправились на болото, а это означало, что поиски Олив на сегодня закончились. В любом случае уже было пора прекращать работу, поскольку она хотела успеть домой раньше отца, заняться ужином и вообще сделать вид, будто она ходила в школу и выполнила домашнее задание, как хорошая девочка, какой он ее считал.

Но вид отцовского автомобиля на подъездной дорожке все испортил.

Олив спрятала металлоискатель в сарае для инструментов и наспех сочинила историю, объяснявшую ее отсутствие в школе. Отговорка о пропущенном автобусе выглядела бы слишком жалко. Олив могла сказать, что была слишком испугана и расстроена недавней трагедией, что погибшие дети были лишь немного старше ее, и она не смогла заставить себя сесть в автобус. Это, пожалуй, сработает. В сущности, это было лучшее, что ей удалось смастерить.

– Эй! – позвала она из кухни, ощущая растущий комок в горле. Она направилась в гостиную посмотреть, начал ли он работу, о которой они договорились с утра. Но характерный стук доносился откуда-то сверху. Неужели отец работал в коридоре с голыми стенами и открытой электропроводкой?

– Папа? – окликнула Олив.

– Я тут, – отозвался отец.

Она бегом поднялась по лестнице, прыгая через две ступеньки. У нее потемнело в глазах, когда она увидела, что отца в коридоре нет, а дверь ее комнаты открыта. Комната была ее прекрасным убежищем, с аккуратно застеленной кроватью и сокровищами, выстроенными на полках: разные мелочи, обнаруженные с металлоискателем (старинные пуговицы, гвозди и мушкетные пули), шкурка лисы, которую она сама застрелила и освежевала, и любимая мамина

фотография, сделанная за несколько недель до ее ухода. Мама сидела за столом для пикника с пластиковым стаканчиком в руке и улыбалась в камеру. На ее шее было «счастливое ожерелье», которое мама практически не снимала в последние недели, – круглая подвеска со вписанным в нее треугольником и квадратом, внутри которого находился маленький кружок с глазом в центре. Мама называла это ожерелье *всевидящим*. Фотографию сделала Олив. Стоял теплый летний вечер, и папа жарил курицу на гриле. Радиоприемник был настроен на классическую музыку, и ее родители пили из пластиковых стаканчиков ром с кока-колой. Олив была счастлива, потому что мама находилась дома и пребывала в хорошем настроении, они с папой хорошо ладили друг с другом, целовались и называли друг друга «миленьким», «крошкой» и другими ласкательными прозвищами, от которых Олив закатывала глаза и издавала сдавленные стоны, хотя втайне радовалась тому, что они все еще любят друг друга. В тот вечер, когда она увидела, как мама взяла отца за руку после того, как он вернулся с тарелкой жареных куриных ножек, Олив действительно поверила, что они по-прежнему любят друг друга и все будет в порядке.

Олив медленно шла по коридору, как будто находилась в доме с призраками на Хеллоуин, когда на самом деле не хочешь видеть, что будет дальше.

Но это было бесполезно. Она могла зажмуриться и внушить себе, что ничего не происходит, но знала, что рано или поздно ей придется посмотреть. И знала, что увидит.

Олив вошла в спальню и увидела, что полки сняты со стены, а фотография и все остальные милые вещи небрежно рассованы в картонные коробки из-под пива. Кровать была выдвинута в середину комнаты, а коробки стояли на ней. Картина напоминала спасательный плот посреди бушующего океана.

Отец стоял в дальнем углу комнаты с кувалдой в руках и улыбался. Половина задней стены уже была разрушена. Он по-прежнему был в голубых рабочих штанах и ботинках, но снял рубашку и остался в белой футболке, мокрой от пота и с желтыми пятнами на воротнике и под мышками, такой ветхой, что ткань почти просвечивала. Олив видела курчавые волосы у него на груди.

В тот момент она возненавидела его. Возненавидела человека, который мог сотворить такое непотребство. Который предал ее и разрушил то, что было ей дорого.

– Привет, Олли, – сказал он, улыбаясь с таким видом, будто сделал ей приятный сюрприз.

У Олив пересохло во рту. Отец как будто ударил кувалдой ее саму, разворотил ее грудную клетку и вывалил внутренности.

– Возьми монтировку и помоги мне, – предложил он.

Олив пыталась выровнять дыхание. Не сорваться на крик или, хуже того, не разреветься, как малое дитя. Казалось, будто комната покачивается и сияет. Все вокруг стало ярким и резким. Олив подумала о дурацком выражении «лопнуть от злости» и только теперь поняла, что это значит. Поняла, что ярость несет в себе огонь, способный воспламенить окружающий мир.

– Но ты сказал, что мы начнем с гостиной. – Олив с трудом выдавила слова; глаза заволокло слезами, которые она изо всех сил пыталась удержать. – Я же говорила, что не хочу ничего менять в своей комнате! Меня она совершенно устраивала.

Отец заморгал за поцарапанными пластиковыми стеклами защитных очков. Темные круги у него под глазами превратились в набрякшие мешки. Он был похож на человека, который неделю не спал, спасаясь неведомо от кого.

– Я думал, это будет приятный сюрприз. Думал, тебе хочется получить комнату лучше прежней.

– Но я не…

– Разве это так плохо? Разве плохо, что я хочу, чтобы моя девочка имела лучшую комнату?

Олив не ответила. Она боялась, что если откроет рот, то начнет вопить или расплачется в полный голос. Почему отец не слушает ее? Почему он никогда и ничего не слышит?

Может быть, мама ушла именно поэтому?

Значит, он не слушал и маму? Просто не обращал внимания на все, что она говорила и о чем просила?

Олив протерла глаза и стиснула зубы. Потом посмотрела на кувалду в руке отца, изо всех сил желая, чтобы он уронил ее. Олив предельно сосредоточилась. Она хотела, чтобы он уронил кувалду себе на ноги и размозжил пальцы, переломал их. Ей хотелось, чтобы он испытал лютую боль.

Пока Олив смотрела, тяжелая кувалда выскользнула из руки отца и с глухим стуком упала на пол, пролетев совсем рядом с носком его правого ботинка. Он не обратил на это внимания.

Олив моргнула, не веря своим глазам, и затаила дыхание.

Это она сделала? Обладает ли она такой силой? Может быть, ее ярость пробудила эту силу к жизни?

«Ничего подобного, Странный Оливер», – подумала она.

Это было совпадение, не более того. Люди не могут повелевать миром такими способами.

Тем более она.

– Я думал, что вдоль этой стены можно будет сделать встроенные полки, – сказал отец, показывая пальцем. – От пола до потолка. Может быть, со встроенным столом прямо в центре. Это будет место для компьютера и для твоих занятий.

– Но у меня же нет компьютера! – Ее гнев прозвучал как жалобное хныканье, отчего стало только хуже.

Отец продолжал широко улыбаться, и она подумала: *так вот, что это будет.* Это было взяткой. Ловушкой, в которую она попалась, хотя это уже не имело значения. Ссориться бесполезно: вред причинен, и отец укрепился в своем мнении. Он уже снес половину стены, у которой стояла кровать. Воздух был полон пыли, ковер усыпан каменной крошкой. Олив ненавидела вид голых стен: заклепки, водопроводные трубы, электропроводка и распределительные коробки торчали наружу. Это было все равно что застигнуть взрослого человека раздетым. Это одновременно смущало и возмущало ее. Она не хотела этого видеть.

У домов должны быть свои секреты.

Казалось, ее отец был исполнен решимости раскрыть все секреты их дома, раздеть его догола и выставить на всеобщее обозрение. Даже комнату дочери.

– Тебе понадобится компьютер для домашней работы, – с лукавой улыбкой сказал отец. – Подумай, насколько это упростит дело. Ты ведь все еще выполняешь домашние задания, правда?

Олив кивнула и посмотрела на грязный ковер, избегая отцовского взгляда.

Она была абсолютно уверена, что отец знает. Он знал, что сегодня она не была в школе, что она регулярно прогуливает уроки. Он знал, но не собирался ничего говорить, не собирался ругать или наказывать ее.

Казалось, мир вывернулся наизнанку.

Он протянул ей монтировку, и Олив поняла, что помощь в разборке стен ее бывшей спальни, в бесконечном ремонте и реконструкции компенсирует ее прогулы.

Это была безмолвная сделка.

И Олив понимала, что у нее нет выбора. Практически нет.

Если бы мама находилась здесь, все было бы иначе. Но, с другой стороны, если бы мама не ушла, то этого вообще не случилось бы. Олив не завела бы привычку прогуливать школу, и сама школа казалась бы не такой ужасной, как сейчас. Дом остался бы в целости и сохранности. Мама никогда не стала бы мириться с разрушенными стенами и с гипсовой пылью, покрывавшей каждую поверхность, словно мельчайший снег.

Олив внутренне содрогнулась, когда протянула руку к монтировке, и крепко обхватила ее, словно пытаясь задушить. Но металл был холодным и неподатливым.

Олив была уверена, что она не могла силой воли заставить отца уронить кувалду. Она была обычной девочкой. Бессильной прогульщицей, чья мать сбежала из дома, а отец искал надежду везде, где мог обрести ее.

Олив была ужасно жестокой, когда желала ему вреда. Это было все равно что отшлепать плачущего младенца, когда он голоден.

Теперь отец радостно улыбался, и его лицо словно осветилось.

– Мама очень удивится, когда вернется домой и увидит такой замечательный ремонт, – сказал он. – Дом будет как новенький. Ну разве тогда она не будет рада и счастлива?

Часть II
Каркас

Глава 7
Элен

8 июня 2015 года

Они как раз заканчивали обрешетку первого этажа, когда небо разверзлось.

Дом начал обретать реальную форму. Они настелили черновой пол и обшили четыре внешних стены; внутренние стены, обозначавшие кладовую и техническое помещение, тоже были готовы. Они заканчивали монтаж ванной, когда дом содрогнулся от раскатов грома, а молния ударила так близко, что Элен ощутила наэлектризованный воздух и почуяла запах озона. Она еще никогда не видела такой мощной грозы. Может быть, это потому, что они находились в гористой местности, ближе к небу?

Она стояла на первом этаже между каркасами двух внутренних стен – в скелете будущего дома, – наблюдая за грозой и *ощущая* ее.

Нат держался напряженно, потому что они отставали от графика. План состоял в обшивке всего дома, включая крышу, за полтора месяца, и они явно не успевали к этому сроку. Элен совсем не беспокоилась. Она достаточно много работала с отцом и понимала, что небольшое отставание от графика и превышение бюджета – вполне нормально. Они все равно закончат работу. И с каждым днем дело продвигалось немного быстрее, по мере улучшения их навыков и укрепления уверенности в себе.

– Здесь может быть опасно! – прокричал Нат, перекрывая шум дождя и раскаты грома. Где-то вдалеке завывала сирена. Они сложили инструменты под навесом и бегом устремились к фургону, хохоча над своим насквозь промокшим видом. Внутри они сразу переоделись, и Элен заварила кофе. Громы и молнии прекратились, но дождь продолжался. Они попивали кофе и смотрели на ливень, ощущая уют и довольство под приятный звук капель, барабанивших по старой жестяной крыше.

– Чем мы займемся? – спросила Элен, глядя на стопку бумаг на импровизированном фанерном столе Ната в гостиной: планы дома, график строительства, бесконечные списки материалов. Там наверняка был какой-нибудь замысел на случай проливного дождя.

– Я бы сказал, что мы можем отдыхать до вечера, – объявил Нат, что привело Элен в восторг.

– Охо-хо, – сказал Нат, когда заметил протечку в крыше; вода сочилась через тонкие потемневшие доски на потолке. Он взял тазик и подставил под капель. Тут Элен заметила еще одну протечку: капли разбрызгивались на ободранном линолеумном полу. Вскоре оба исполняли странный танец, спеша подставлять емкости под быстро умножавшиеся течи.

– Лучше поскорее доделать второй этаж и крышу, – заметил Нат. – Не знаю, сколько еще протянет эта хибара.

Элен улыбнулась и согласно кивнула. Она не могла дождаться, когда они наконец выберутся из этой консервной банки.

Нат устроился на диване с книгой о птичьих повадках. Он включил лампу на прикроватном столике, и свет на кухне замигал. Элен раскрыла свой ноутбук и проверила электронную почту, где нашла сообщение от своей подруги Дженни: «Как дела в Великом Северном Лесу? Ты еще не готова вернуться домой? А мы пьем мартини…»

Элен посмотрела на емкости, собиравшие воду с протекающей крыши, и попыталась придумать остроумный ответ, но любые попытки оказались жалкими. Она решила написать попозже.

Дождь стучал по жестяной крыше, добавляя основной ритм к ударной музыке капель, падающих в тазики, миски, кастрюли и чашки, расставленные на полу.

Элен решила надеть дождевик и отправиться в город. Прошло три недели с тех пор, как они приехали в Хартсборо. Она была занята строительством и закладкой сада; честно говоря, при таком количестве ежедневной работы казалось эгоистичным уделять время на исторические исследования. А к тому времени, когда работа заканчивалась, Элен чувствовала себя слишком усталой и вымотанной, чтобы предпринять нечто большее, чем два-три бокала вина на сон грядущий.

– Я собираюсь воспользоваться дождливой погодой, чтобы навести справки в мэрии и городской библиотеке насчет нашей земли и истории края, – объявила она. – Хочешь со мной?

Нат покачал головой, уткнувшись в свою книгу.

– Пожалуй, я останусь и немного почитаю, – сказал он, явно довольный тем, что у него образовалось свободное время для чтения. – Приятной поездки, – добавил он, когда Элен остановилась чмокнуть его в темечко по пути к выходу.

Она остановилась возле универмага Фергюсона, чтобы купить буханку свежего хлеба. Здесь продавалось все: от охотничьих ружей до свежеиспеченных пирогов с этикетками, явно сделанными на чьем-то струйном принтере. (Нат называл их бабушкиными пирогами и предпочитал черничные.) За кассовым аппаратом сидел подросток со стрижкой бобриком и в оранжевой футболке. На полке за его спиной что-то квакал полицейский сканер: сигналы и звоночки, сопровождаемые обменом условными шифрами.

– Погода сегодня неважная, – сказала Элен, выложив хлеб для оплаты. На стойке стояла кофейная банка с фотографиями троих детей, погибших в автобусной аварии три недели назад. Пожертвования для их семей.

Паренек кивнул, не глядя.

– Сплошная жуть. Сообщали о трех молниях, попавших в дома. Одна угодила в старое поместье Гамильтонов на Ист-Каунти-роуд. Там сейчас пожарные, и, должно быть, дело плохо, потому что они вызвали подмогу из двух соседних мест.

– Жуть, – согласилась Элен. Она заплатила за хлеб и положила пять долларов сдачи в кофейную банку. Тогда парень посмотрел на Элен, но вместо благодарности он только нахмурился.

– Я знаю, кто вы такая, – сказал он.

– Прошу прощения?

– Вы купили тот участок возле болота.

– Да, – с улыбкой ответила она. – Меня зовут Элен. Мы с моим мужем Натом купили эту землю. Сейчас мы строим дом. Нам нравится жить в Хартсборо.

Подросток молчал.

– Ну ладно, – наконец сказала она. – Приятно было познакомиться.

Когда она направилась к выходу, прижав к груди хлеб в бумажном пакете, то спиной ощущала взгляд парня, устремленный на нее.

* * *

Почтовое отделение Хартсборо, приземистое здание из красного кирпича, находилось рядом с универмагом. Элен остановилась там, чтобы проверить почтовый ящик, который арендовали они с Натом. Единственным посланием был рекламный буклет от дезинсектора. К счастью, у них в доме еще не завелись клопы или тараканы. Немного дальше, на Мэйн-стрит, находились ее цели: маленькая библиотека и обшитое белыми дощатыми планками здание мэрии и городского архивариуса. Сначала она попробовала найти архивариуса, но дверь была заперта, и на ней висела табличка «Закрыто». Никакого графика работы или признаков жизни внутри.

Дождь лил и налетал водяными порывами, когда она пыталась отгораживаться зонтиком. Элен поспешила к соседнему зданию библиотеки. Запах старых книг успокоил ее, как только она переступила порог.

Она остановилась перед доской объявлений у входа и сложила зонтик. Там были объявления о продаже дров, корчевке пней и плакат с рекламой спектакля драмкружка средней школы, хотя дата представления прошла три недели назад. Это был старый плакат в память о детях, погибших в автокатастрофе. Рядом был прикреплен квадратик белой бумаги с рисунком глаза, выглядывавшего из облака, и надписью: «*Духовный круг Хартсборо. Позвольте нам установить контакт с ушедшим другом или любимым человеком».* Далее был указан номер телефона.

Элен изумленно глядела на объявление. Она переехала на землю, где вроде бы имелся собственный призрак, и оказалась в городке с «духовным кругом». Теперь она определенно находилась не в Коннектикуте.

Элен пошла дальше, ожидая увидеть допотопную библиотеку со старомодным каталогом из бумажных карточек. Но увидела три компьютера с инструкциями онлайн-поиска по каталогу. Там был плакат с объяснением категорий электронных книг и аудиокниг, доступных в поиске. Она поздоровалась с женщиной за столом и совершила короткую экскурсию по библиотеке: периодические издания, аудиокниги, справочники, документальная и художественная литература.

В ярко раскрашенном детском уголке мать играла с малышом за столиком с паровозной трубой, но других посетителей не было. Элен вернулась к компьютерам и поискала в Сети книги о Хартсборо. Единственными изданиями, которые она смогла найти, оказались «Кулинарная книга для дам» (с массой рецептов на основе кленового сиропа и бекона) и книжка о наводнении 1927 года.

Элен подошла к столу.

– Прошу прощения, я ищу книги по истории Хартсборо.

Библиотекарша, женщина среднего возраста в мешковатом свитере, сообщила Элен, что ей нужно навести справки в Историческом обществе Хартсборо.

– А где это? – поинтересовалась Элен, взволнованная сведениями о существовании такого места.

– Вторая дверь слева отсюда, в подвале старого здания Илкс-Лодж. Но у них странный график работы, каждую вторую субботу или вроде того. Вам нужно связаться с Мэри-Энн Марсден. Она там всем заправляет и, по предварительной договоренности, открывает архив. – Библиотекарша постучала по клавиатуре старенького компьютера. – Вот оно! – добавила она, явно довольная собой, и переписала телефон на бумажку.

– Вы ищете что-то конкретное? – осведомилась женщина. – Я провела здесь всю жизнь и кое-что знаю о здешних местах.

– Мы с мужем переехали сюда недавно, и я надеялась немного познакомиться с местной историей. То есть я… я *была* преподавателем истории. В своей прежней жизни. – Элен усмехнулась и подумала: «*Вот именно, в прежней жизни».* – В общем, мы приобрели земельный участок возле Брекенриджского болота, и мне бы очень хотелось узнать обо всем, что связано с этим местом.

– Брекенридж? – Женщина оживилась и улыбнулась, показав мелкие, жемчужно-белые зубы. – Вы купили участок Джорджа Декро, не так ли?

– Да. – Элен кивнула.

– Бедный Джордж, такой милый человек. Как он себя чувствует?

– Не знаю. Вообще-то мы даже не встречались с ним. Судя по всему, он далеко не в добром здравии и пребывает за пределами штата.

– Не стоит винить его в том, что он не вернулся. После всего, что случилось.

Элен непонимающе взглянула на нее.

– А что случилось?

– Я имею в виду тот инцидент.

– Никогда о нем не слышала, – призналась Элен.

– Его жена Эдди едва не утонула в том болоте, – пояснила библиотекарша.

– О боже, – сказала Элен, думая о словах Ната, что болото питают подземные источники и оно очень глубокое.

Библиотекарша кивнула.

– Джордж вытащил ее и сделал искусственное дыхание. Она задышала, но так и не стала прежней. Повреждение мозга. – Женщина покачала головой и цокнула языком. – Она так и не очнулась, бедняжка. Через неделю Джордж распорядился отключить аппараты, чтобы она смогла мирно уйти.

– Ужасно, – сказала Элен.

– Говорили, что это был несчастный случай, но Джордж утверждал обратное.

Библиотекарша выдержала паузу, огляделась вокруг и шепотом добавила:

– Он сказал, что это была *Хетти*.

По спине Элен пробежал холодок.

– Прошу прощения. Кто?..

– Только не говорите, что вы еще не слышали о Хетти, – небрежно проронила библиотекарша, как будто Хетти была местной вздорной старухой, которая расхаживала по городу в эксцентричных шляпах.

– Нет, я не знаю этого имени. – Элен тяжело сглотнула. Она каким-то образом знала это имя, но откуда?

«Будь историком, – сказала она себе. – Собирай факты и убирай эмоции».

– Что вы можете рассказать о ней?

– Ну, Хетти Брекенридж, пожалуй, была самой знаменитой уроженкой Хартсборо. С ней связаны всевозможные истории. Люди называли ее ведьмой. Некоторые утверждали, что она была невестой самого дьявола. Она говорила на неизвестных языках и знала о том, что случится, прежде чем это происходило.

– И она жила у болота?

– О да, в маленькой хижине, которую сама построила после того, как сгорел дом ее родителей. Все это колдовское мумбо-юмбо – мне ничего не известно об этом. Но она жила в маленьком доме у болота, и это исторический факт.

– Мы с мужем обнаружили остатки старого фундамента возле болота, – сказала Элен.

Библиотекарша кивнула:

– Это дом Хетти. Люди называли его кривым домом, поскольку она была не сильна в плотницком деле и там не было ничего ровного или прямого.

Элен кивнула, думая о спорах, которые до сих пор иногда завязывались между ней и Натом из-за расхождений на десятые доли дюйма. Может, их дом тоже окажется кривым? Она отогнала эту мысль, когда вспомнила прекрасные ровные стены первого этажа, которые они сегодня закончили.

– О каком времени идет речь? – спросила Элен.

– Точно не знаю. Это было во времена моей бабушки, думаю, в начале XX века. Мэри-Энн должна знать.

– Как вы думаете, остались какие-то фотографии хижины Хетти?

– Может быть, – сказала библиотекарша. – Поговорите с Мэри-Энн. Если что-то осталось, она знает.

– А что случилось с Хетти? – спросила Элен.

Библиотекарша замолчала и уставилась на бумаги, разложенные на столе.

– Есть разные истории… – сказала она, нервно двигая руками. – Некоторые убеждены, что перед смертью она закопала на своей земле какое-то сокровище, свое семейное состояние. Я сомневаюсь в его существовании. Если у нее было много денег, почему она не уехала? Почему не построила новый красивый дом? Люди рассказывают безумные байки.

Элен кивнула. Она знала, как рождаются фольклорные истории. С годами они обрастают вымышленными подробностями и приукрашиваются, так что настоящему историку приходится немало потрудиться и провести полевые исследования, чтобы найти зерна истины.

– Но одно всегда остается неизменным, – продолжала библиотекарша, поблескивая глазами. – Люди говорят, что ее призрак регулярно посещает болото. Они видели, как призрак расхаживает у воды и в самом центре. Ранним летом можно увидеть розовые цветы, которые распускаются там, где она проходит. Это венерины башмачки.

Элен пробрал озноб, когда она вспомнила россыпи бледно-розовых орхидей, которые видели они с Натом, когда гуляли на болоте.

Шаги Хетти.

Женщина улыбалась, и Элен не могла сказать, верит библиотекарша этому (и состоит ли в «Духовном круге Хартсборо») либо просто делится местными преданиями.

Потом библиотекарша ответила на ее невысказанный вопрос:

– Если вы достаточно долго пробудете здесь, то, возможно, тоже увидите ее. Отправьтесь на болото на закате и подождите. Когда сгущаются сумерки, Хетти выходит наружу. – Она неопределенно улыбнулась и подмигнула: – Но знаете, будьте осторожны.

* * *

– Что это? – спросил Нат. Он только что вернулся с улицы и снял дождевик, но все равно оставался мокрым с головы до ног. На шее у Ната висел бинокль для наблюдения за птицами.

– Я была в библиотеке, – сказала Элен.

– Понятно. – Нат подошел ближе, оставляя влажные следы на линолеуме.

– Она небольшая, но оказалась гораздо обширнее, чем я думала, – продолжала Элен. – Они не оформляют читательских карточек, а заносят имена посетителей в электронный каталог. Хорошая идея.

– Да, наверное. – Нат взял одну из книг, сложенных на кухонном столе, и прочитал название: – «Колдовство в Новой Англии»? – Он пробежал взглядом другие названия; все это были книги о колдовстве, ведьмах, призраках и оккультных науках. – Ты, случайно, не собираешься заколдовать меня?

Элен улыбнулась:

– Только если ты будешь насмехаться над моими исследованиями. Тогда я превращу тебя в жабу.

– Я бы предпочел в какую-нибудь птицу, – ответил Нат. Он взял другую книгу и посмотрел на заглавие: «Общение с миром духов». Нахмурился, но промолчал.

«Мистер ученый» не одобрял ничего потустороннего или необъяснимого. Элен нахмурилась в ответ.

– У тех, кто попадает под чары, нет выбора. И будь поосторожнее, ты намочишь мои библиотечные книги.

Нат положил книгу и отступил от стола.

– И в чем заключается цель твоих исследований?

– Помнишь, что нам сказал риелтор? Насчет того, что на болоте водятся призраки? И еще остатки фундамента, которые мы нашли на другом краю болота.

Нат кивнул.

– Ты что-то обнаружила в городском архиве?

– Нет, там было закрыто. Но я навела справки в библиотеке, и выяснилось, что некая Хетти Брекенридж в начале XX века жила в маленьком доме на краю болота. Тот фундамент – все, что осталось от дома. И люди говорили, что она была колдуньей.

– Колдуньей? – Нат приподнял брови. – Как Глинда, добрая волшебница Юга? Или как Теодора, злая ведьма Запада?

Элен закатила глаза.

– История о Хетти пробудила мое любопытство. Я не знала, что в начале прошлого века колдовство было реальной проблемой в Новой Англии. Суды над ведьмами из Салема проходили в 1692 году. Насколько я понимала, все это безумие в связи с ведьмами закончилось в XVIII веке.

– То есть ты хочешь сказать…

– У меня нет никаких мнений и выводов. Я просто заинтересовалась явлением, о котором почти ничего не знаю.

Нат кивнул. Такая позиция была ему понятна. Потребность узнать как можно больше о том, что еще не известно, заполнить пробелы, постоянно снабжать мозг новой информацией.

– Здесь наш новый дом, – добавила Элен. – Ее земля теперь стала нашей. Разве тебе не кажется, что мы должны узнать историю Хетти?

Нат улыбнулся.

– Разумеется! – сказал он и вдруг рассмеялся.

– Что такое?

– Просто я подумал о Дженни; только представь ее реакцию, когда мы скажем, что купили участок земли вместе с призраком колдуньи!

– Мы ничего ей не скажем! – Элен помахала пальцем у него перед носом, хотя сама не удержалась от смеха. – По крайней мере, пока я не завершу свое исследование и не узнаю, кем была Хетти на самом деле и какой была ее история. Может быть, она была просто эксцентричной чудачкой, кто знает? Только подумай: женщина того времени, которая своими руками строит маленький дом у болота! Разумеется, ее обходили стороной и называли ведьмой.

Нат с улыбкой наклонился и поцеловал ее в лоб, снова накапав на книги.

– А сами мы разве не такие? Эксцентричные чудаки, которые строят дом у болота. Интересно, как люди будут называть нас?

Элен рассмеялась, но ее смех был невеселым. Она вспомнила, как на нее смотрел подросток в магазине: с подозрением, а потом с нескрываемым отвращением. «*Я знаю, кто вы такая*».

– Я узнала кое-что еще, – сказала она и замялась, не уверенная в том, стоит ли рассказывать.

– Да?

Она рассказала Нату об Эдди Декро.

– Боже мой, это ужасно! Неудивительно, что он так дешево продал этот участок. Если помнишь, я говорил, что подземный источник в центре болота может находиться очень глубоко. Не подходи близко к нему, хорошо? Если ты пойдешь туда одна, держись подальше от края.

Элен подумала, стоит ли рассказывать об убежденности мистера Декро в том, что это Хетти едва не утопила его жену. Но это лишь расстроило бы Ната и могло привести к лекции о том, что человеческий ум всегда ищет объяснение ужасным событиям и это делает нас уязвимыми перед разными небылицами.

– Хорошо, я буду осторожна, – только и сказала Элен.

– Я собираюсь принять приятный теплый душ и переодеться, – сообщил Нат и чмокнул ее в щеку.

– Вот и давай.

Элен вернулась к книге, которую она дочитала до главы о ведьмах и проклятиях. Она листала страницы, пропуская разделы об узелковой магии, свечной магии и помазании вражеской двери специальным маслом. Дальше она нашла упоминание о проклятии с использованием ослиного зуба для изгнания врагов. Если ослиный зуб действует, почему бы не использовать олений или овечий зуб?

Она закрыла книгу. Призрак ведьмы, насылающий проклятие из потустороннего мира? Это было глупо и даже смешно.

Элен сунула листок с телефонным номером женщины из исторического общества в книгу под названием «Духи и видения». Теперь она раскрыла книгу, достала бумажку и набрала номер на своем мобильном телефоне.

– Вы позвонили Марвину и Мэри-Энн Марсден. Сейчас нас нет дома, но вы можете оставить сообщение, и мы перезвоним, когда вернемся.

Элен оставила короткое сообщение и номер своего телефона. Она побарабанила пальцами по столу, думая о Джордже Декро, вытащившем свою жену из болота. Порывшись в своей сумочке, она нашла визитную карточку агента по продаже недвижимости и набрала его номер. Агент ответил после второго звонка.

– Добрый день, это Элен Уэзерелл. Мы с моим мужем Натом недавно купили земельный участок возле болота.

– Да, конечно. Как идет строительство?

– Спасибо, хорошо. Послушайте, я звоню потому, что в фургоне обнаружились вещи, принадлежавшие предыдущему владельцу, и я хотела бы отправить их во Флориду по почте. Я надеялась узнать у вас его номер.

– Я уверен, что ему ничего не нужно оттуда, – последовал ответ.

– Но это может оказаться важным. Письма, личные бумаги. Хотелось бы связаться с ним и узнать, хочет ли он получить их. Я не могу заставить себя просто выбросить это.

– Формально я не должен делиться такой информацией, но… – Элен услышала шелест бумаг. Казалось, ее собеседник колебался. – Хорошо, в данном случае я могу сделать исключение. Уверен, его номер где-то здесь… Подождите минутку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.